

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации
45.03.01. Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиРК
_____ И.В. Евсева
« ____ » _____ 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
СЕТЕВОГО ПОЭТА (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРА ЛИСТОМИРОВА И
ДЖЕКА АБАТУРОВА)**

Выпускник	А.Ю. Шохина
Научный руководитель	д-р филол. наук, доц. И.В. Башкова
Нормоконтролер	Н.А. Руш

Красноярск 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СЕТЕВОГО ПОЭТА	7
1.1. Понятие «языковая личность» и изучение этого явления.....	7
1.2. Понятие о прецедентных текстах	13
1.3. Изучение языковой личности поэта	20
1.4. Изучение сетевой литературы	27
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	36
ГЛАВА 2. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ ВЛАДИМИРА ЛИСТОМИРОВА И ДЖЕКА АБАТУРОВА	38
2.1. Владимир Листомиров и Джек Абатуров в мире сетевой поэзии.....	38
2.2. Прецедентные тексты в структуре языковой личности Владимира Листомирова	45
2.2.1. Прецедентные тексты русской литературы	45
2.2.2. Прецедентные тексты зарубежной литературы	50
2.2.3. Мифологические прецедентные тексты.....	60
2.3. Прецедентные тексты в структуре языковой личности Джека Абатурова	73
2.3.1. Прецедентные тексты русской литературы	73
2.3.2. Прецедентные тексты зарубежной литературы.....	85
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	97
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	99
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	103

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	104
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	118
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	120
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	121
ПРИЛОЖЕНИЕ В.....	122

ВВЕДЕНИЕ

Дипломная работа посвящена анализу прецедентных текстов в структуре языковой личности сетевых поэтов Владимира Листомирова и Джека Абатурова. Исследование выполнено в рамках лингвоперсонологического направления современной лингвистики.

Объектом исследования являются языковые личности поэтов Владимира Листомирова и Джека Абатурова, **предметом** стали единицы прецедентности, используемые поэтами в художественных текстах.

Сетевые поэты популярны среди читателей, но недостаточно изучены, назрела необходимость проведения серьезных исследований. Кроме того, вопрос об использовании прецедентных текстов сетевыми авторами почти не разработан в науке. Лингвоперсонологическое направление, в русле которого выполнено исследование, – одна из активно развивающихся составляющих современной лингвистики. Этим обосновывается **актуальность** данной работы.

Научная **новизна** работы заключается в изучении языковых личностей ранее не исследованных поэтов Владимира Листомирова и Джека Абатурова.

Целью настоящей работы является создание полного описания всех прецедентных феноменов, включенных в поэзию рассматриваемых авторов.

Исходя из цели, перед автором стоят следующие **задачи**:

- 1) выявить сущность понятия языковой личности и охарактеризовать ее изучение в современной лингвистике;
- 2) изучить понятие прецедентности и выявить основные признаки прецедентного текста;
- 3) сделать анализ исследовательской литературы, в которой представлены результаты изучения языковых личностей поэтов;

- 4) составить представление об исследовании сетевой литературы современной наукой;
- 5) пояснить выбор авторов для практического исследования и представить информацию о них;
- 6) проанализировать прецедентные тексты из русской и зарубежной литературы и мифологии в поэзии Листомирова;
- 7) проанализировать прецедентные тексты из русской и зарубежной литературы в поэзии Абатурова;
- 8) сделать выводы о языковых личностях авторов на основе включений прецедентных феноменов в их поэзию.

Материалом для исследования служат поэтические тексты Листомирова и Абатурова, размещенные в авторских сообществах «Листомиров.» и «Джек Абатуров» в социальной сети ВКонтакте.

В ходе исследования использованы общенаучные **методы**: индуктивный и описательно-аналитический, а также лингвоперсонологический **метод** речевого портретирования.

Теоретической базой для исследования послужили работы по теории языковой личности (Ю.Н. Караулов, Е.В. Иванцова, И.В. Башкова и др.) и прецедентности (Ю.Н. Караулов, И.В. Захаренко, Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова и др.), исследования, посвященные языковым личностям поэтов (О.В. Федотова, К.А. Елистратова, А.А. Михеев и др.), работы по сетевой литературе и сетевой поэзии (М.Я. Визель, Ю.В. Бартош, Е.Б. Ракитина и др.).

Теоретическая значимость проводимого исследования обусловлена включенностью работы в ряд исследований в рамках актуального направления лингвоперсонология. **Практическая значимость** исследования состоит в возможности применения материалов данной работы для создания словаря прецедентных онимов на материале сетевой поэзии, вопрос о разработке которого был поднят исследователями К.А. Елистратовой, Д.В. Минец,

Е.В. Грудевой, А.В. Горушкиной в связи с проблемой лакунарности в ономастиконе современного носителя языка. Реализация концепции общедоступной электронной базы с прецедентными именами, сопровождаемыми развернутыми комментариями, может стать инструментом повышения культурной грамотности и обогатить тезаурус молодых носителей культуры. Кроме того, материалы данной работы возможно применять в рамках вузовских курсов при изучении лингвоперсонологии и современной поэзии.

Работа была **апробирована** в формате участия в XIV Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» 22.04.2022, где был получен диплом II степени в секции «Текст в современном коммуникативном пространстве».

Цель и задачи ВКР определили логику исследования и **структуру** работы, которая состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы, списка источников иллюстративного материала и приложений.

В первой главе дипломной работы представлена основная теоретическая информация, необходимая для исследования, а именно: понятие о языковой личности, раскрытие феномена прецедентности, освещение темы «языковая личность поэта» в научной литературе, представление об исследовании сетевой литературы современной наукой.

Вторая глава посвящена практическому исследованию, которое состоит в рассмотрении прецедентных текстов в структуре языковых личностей Владимира Листомирова и Джека Абатурова по соответствующим группам.

В заключении приводятся суммарные итоги проведенного исследования и выводы, следующие из изложенного материала.

Список литературы насчитывает 123 источника.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СЕТЕВОГО ПОЭТА

1.1. Понятие «языковая личность» и изучение этого явления

Приступая к изучению языковой личности (ЯЛ), прежде всего выясним значение термина. «Личность» в толковых словарях определяется в первую очередь как «совокупность свойств, присущих данному человеку, составляющих его индивидуальность» [Кузнецов, 1998; Евгеньева, 1999]. Далее находим определения личности как «отдельного человека в обществе; индивидуума» [Евгеньева, 1999], «отдельного человеческого "я"». [Ефремова, 2000]. Опираясь на эти определения, предварительно можем сказать, что языковая личность – это человек, рассмотренный с точки зрения его индивидуальных языковых проявлений.

Обратимся к работам ученых. Одно из первых определений находим в работе Г.И. Богина. Языковая личность – это человек, который рассматривается с точки зрения «его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин, 1984]. Здесь интересен амбивалентный характер отношения к произведениям речи: это готовность не только породить, но и принимать их. То есть, ЯЛ можно рассмотреть и как воспринимающую текст сторону, не только как создающую его. В последующих определениях этот аспект темы не раскрывается.

Далее рассмотрим определение Д.Н. Мурзина. Языковая личность – это индивид, который представлен «через посредство своего речевого воплощения» [Мурзин, 1995: 11]. Эта формулировка наиболее близка к той, что мы вывели изначально, ориентируясь на компоненты термина. Она представляется простой и удобной, однако требует уточнений.

Наиболее полное определение можем увидеть у основоположника научной школы «Русская языковая личность» Ю.Н. Караулова. В его энциклопедии «Русский язык» даются две дефиниции. Языковая личность – это:

- 1) любой носитель языка, который охарактеризован «на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире»;
- 2) «наименование комплексного способа описания языковой способности индивида», в котором системное представление языка соединяется с функциональным анализом текстов [Караулов, 1997: 671].

Здесь конкретизировано направление анализа и раскрыты функции текстов, производимых носителем. Таким образом, языковой личностью может являться любой носитель языка, а изучение этой личности базируется на воспроизведенных ею текстах. В нашей работе в качестве основного будет принято первое определение из энциклопедии «Русский язык».

Еще одну интерпретацию видим в определении Е.В. Иванцовой: языковой личностью называется «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт», которая отражена в созданных ею текстах [Иванцова, 2002: 10]. Исследователь показывает, что особенности ЯЛ могут отражать и социальные, типические для определенного общества черты, и индивидуальные, специфические для определенного носителя.

Разрабатывая эту сторону вопроса, обратимся к типам выводного знания, выделенным Ю.Н. Карауловым. О языковой личности можно говорить:

- 1) как об индивидууме и авторе текстов, обладающем собственными «характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками»;
- 2) как о типовом представителе языковой общности и входящего в неё речевого коллектива, как о «совокупном или усреднённом носителе данного языка»;
- 3) как о представителе человеческого рода, неотъемлемое свойство которого – «использование знаковых систем и прежде всего естественного языка» [Караулов, 1997: 671].

Как видим, феномен языковой личности может быть раскрыт с трех разных позиций: человека как личности с присущими ему особенностями, человека как части языковой общности с типичными для данного речевого коллектива чертами и, наконец, человека как представителя всего человеческого рода с присущим ему использованием естественного языка. Такой взгляд на языковые способности индивида представляется наиболее комплексным.

В сходном направлении мыслит и О.Н. Шевченко, на примере переводчика выделяя типовую и индивидуальную ЯЛ. Типовая языковая личность характеризуется абстрактностью, эталонностью, собирательностью, безличностью, а в конкретном тексте «типовая модель реализуется в виде реальной индивидуальной языковой личности» [Шевченко, 2005: 7].

Приведенные данные позволяют говорить о разделении социального (коллективного) и индивидуального понимания ЯЛ. Е.В. Иванцова указывает на нежелательность полисемии для терминосистемы, объясняя это общим неудобством использования многозначных терминов в науке и конкретной для исследования ЯЛ проблемы «изначального противопоставления исходных понятий "личность" и "коллектив"» [Иванцова, 2010а: 29]. В нашей работе изучаемые ЯЛ представлены как индивидуальные, обладающие специфическими свойствами.

Изучение языковой личности – одна из активно развивающихся составляющих современной российской лингвистики: по данному направлению выходят диссертации и монографии, дисциплина «Лингвоперсонология» входит в учебные программы высших учебных заведений в рамках подготовки по направлениям магистратуры.

ЯЛ исследуется в рамках таких направлений как лингвоперсонология, лингвокультурология, лингвосемиотика, гендерная, дискурсивная, когнитивная лингвистика и др. В данном ряду научных дисциплин особо выделяют лингвоперсонологию, так как «языковая личность является основным объектом её изучения, а не входит в ряд других объектов» [Башкова, 2011: 28].

В вопросе об источниках исследования обратимся к автору учебного пособия «Лингвоперсонология», представителю Томской научной школы Е.В. Иванцовой. В ее теоретическом учебнике выделяются следующие виды источников:

1. Первичные. К ним относятся тексты исследуемой языковой личности. Ей может являться как реальная личность, так и условная (например, литературный персонаж). Источником материалов большинстве случаев служат письменные тексты, которые были созданы изучаемой языковой личностью. К таким текстам относятся художественные, научные, публицистические, эпистолярные тексты, записные книжки, мемуарная литература, дневники. Также исследуются записи устных текстов.
2. Вторичные. Основным вторичным источником считаются словари. В области лингвоперсонологических исследований применение словарей писателей не получило широкого распространения в связи со слабым отражением особенностей авторского словоупотребления, наличием множества идиолексиконов и отсутствием отображения устной речи. Как вторичный источник могут быть использованы и экспериментальные материалы (например, анкеты и протоколы

ассоциативных экспериментов). Как замечает Иванцова, в основном подобные источники используются для воссоздания обобщенной картины, но имеются первые попытки анализа у конкретных людей.

3. Источники промежуточного типа. Между первичными и вторичными источниками помещают особый тип источника – материалы «слуховой памяти». Это воспоминания об особенностях речи конкретной языковой личности, общее впечатление о ней [Иванцова, 2010b: 96–107].

Е.В. Иванцова отмечает, что наибольшей информативностью обладают текстовые источники, в особенности – записанные систематически самим исследователем от изучаемой языковой личности. Для большей достоверности применяется синтез источников разных типов, где «опора на первичные источники сочетается с использованием разнообразных вторичных баз данных» [Там же: 107]. Становится несомненным многообразие возможностей при изучении языковой личности.

В нашем исследовании мы будем использовать источники первичного типа, а именно поэтические тексты, созданные рассматриваемыми ЯЛ.

Разнообразие подходов к изучению ЯЛ пока не позволяет полно систематизировать их. В зависимости от намерения автора в современных исследованиях И.В. Башкова выделяет две тенденции и их последствия:

- 1) стремление создать полное описание ведет к отсутствию системности;
- 2) стремление доказать собственную концепцию дает обозримую картину, но ведет к утрате объективности и выключает ряд работ из поля анализа.

Разрешение такого противоречия почти недостижимо, «так как ЯЛ – многоаспектный объект исследования, и в существующих работах те или иные аспекты объединяются на разных основаниях» [Башкова, 2011: 23–24].

Возможно, со временем количество работ, созданных в рамках одних и тех же подходов, позволит выработать собственный ряд наименований и более точно охарактеризовать специфику направления.

Освещение подходов к изучению языковой личности можно увидеть в работах И.П. Павлючко [Павлючко, 1999], М.А. Канчер [Канчер, 2000], В.И. Карасика [Карасик, 2002], А.В. Пузырева [Пузырев, 2002], Е.А. Пекарской [Пекарская, 2010], А.И. Дубских [Дубских, 2014] и др.

Приведем довольно обширную классификацию О.В. Федотовой, которая указывает на наиболее активно исследуемые аспекты:

- 1) когнитивный (предполагает, что основные свойства языковой личности находят отражение в «семантическом наполнении языковых единиц на разных уровнях вербализации национальных концептов»);
- 2) прагматический или прагмалингвистический (предполагает, что речевое поведение автора текста анализируется с учетом «актуализации сигналов скрытых стратегий воздействия в тексте»);
- 3) коммуникативный (ЯЛ рассматривается как коммуникативная);
- 4) национальный (ЯЛ рассматривается как часть национальной культуры);
- 5) гендерный (изучаются различия женского и мужского языкового поведения);
- 6) жанровый (дискурс языковой личности исследуется с позиций «комплексного описания ее коммуникативного существования в аспекте жанров речи»);
- 7) психолингвистический (рассматривается индивидуально-психологический аспект языковой личности);
- 8) социолингвистический (здесь языковая личность:
 - а) реконструируется с помощью определенных знаков, которые рассматриваются в качестве индикаторов статуса или роли,
 - б) строится «с позиций заданного социального типа»)[Федотова, 2007: 10–11].

Многообразие подходов к исследованию языковой личности приближает науку к созданию наиболее полной характеристики данного явления.

Круг методов изучения ЯЛ в лингвоперсонологии охватывает как общенаучные методы, так и специфичные для данного направления. Е.В. Иванцова дает обзор имеющихся методов лингвоперсонологии [Иванцова, 2008: 33–41]. На наш взгляд, широкая вариативность методов отвечает специфике направления. При обобщении среди них можно выделить два основных методологических подхода: реконструкция (воссоздание компонентов облика ЯЛ, которые недоступны непосредственному наблюдению) и портретирование (описание доступных наблюдению фактов) [Там же: 39].

Многообразие исследований ЯЛ на данном этапе сложно свести к единой классификации, но имеются убедительные результаты в этом направлении. Можно сказать, что широкий исследовательский спектр свидетельствует об активном развитии лингвоперсонологии и интересе к ней ученых лингвистов.

1.2. Понятие о прецедентных текстах

В практической главе мы будем рассматривать языковую личность через ее обращение к прецедентным текстам (ПТ). Посмотрим на определения этого феномена. Отметим сразу, что в настоящем разделе примеры, иллюстрирующие теоретический материал, подобраны автором данной дипломной работы. Традиционным считается определение прецедентного текста, данное Ю.Н. Карауловым [Караулов, 1987: 216]. В явлении выделяется три аспекта:

- 1) значимость для личности «в познавательном и эмоциональном отношениях»;
- 2) «сверхличностный характер» (известность окружению данной личности);
- 3) возобновляемое обращение к этим текстам в дискурсе данной ЯЛ.

Вышеперечисленные характеристики говорят о культурной и общественной значимости прецедентных текстов. Их широкая известность предполагает различные способы бытования: в первоизданном виде, в трансформированном, семиотическом, «когда обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием отдельные его фрагменты» [Там же: 217]. Последний способ существования присущ исключительно прецедентным текстам. Особенности их бытования и реализации указанных признаков в интернет-пространстве подробно анализируются О.В. Орловой в статье «Миромоделирующий потенциал медиаконцепта и прецедентность в интернет-дискурсе» [Орлова, 2012]. Забегая вперед, отметим, что свойство возобновляемого обращения к прецедентным текстам при анализе дискурса конкретной ЯЛ, как правило, опускается. На первый план выдвигаются критерии значимости для личности и сверхличностный характер.

Что касается способов ввода, возможны четыре варианта: через заглавие, цитату, имя персонажа или имя автора [Караулов, 1987: 218]. Все способы являются довольно распространенными, и их можно с легкостью обнаружить в знакомых произведениях. Приведем примеры из романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина.

1. Введение через заглавие:

«Да, помнил, хоть не без греха,

Из Энеиды два стиха»

(Глава 1, строфа VI).

«Энеида» – эпическое произведение Вергилия.

2. Введение через цитату:

«О, не знай сих страшных снов

Ты, моя Светлана!»

Жуковский.

(Эпиграф к главе 5).

Цитата из баллады В.А. Жуковского «Светлана».

3. Введение через имя персонажа:

«Прямым Онегин Чильд-Гарольдом

Вдался в задумчивую лень»

(Глава 4, строфа XLIV).

Чайльд Гарольд – герой поэмы Дж.Г. Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда».

4. Введение через имя автора:

«Она влюблялася в обманы

И Ричардсона и Руссо»

(Глава 2, строфа XXIX).

С. Ричардсон, Ж-Ж Руссо – европейские писатели XVIIIв.

Эти примеры иллюстрируют приведенные выше положения об эмоциональной значимости (что особенно важно для художественного произведения) и сверхличностном характере (широкой известности) прецедентных текстов.

Ю.Е. Прохоров предложил ряд уточнений рассматриваемого нами понятия. Во-первых, прецедентные тексты принадлежат языковой или речевой культуре определенного этноса и использование того или иного текста связано с этнокультурными особенностями личности. Во-вторых, вхождение текста в прагматикон личности свидетельствует о лингвокогнитивном уровне его использования. И в-третьих, отсылка к прецедентным текстам имеет двунаправленный характер: на прагматическом уровне позволяет выявлять свойства языковой личности, на

лингвокогнитивном – включенность личности в речевое общение «именно данной культуры на данном языке» [Прохоров, 1996: 151-152]. Первое утверждение, на наш взгляд, не вполне верно. Использование прецедентных текстов выходит за этнические границы. В пример можно привести отсылки к античным авторам, свойственные для всей европейской культуры или обращения к библейскому тексту, связанные не с этнической, а с конфессиональной принадлежностью. То же касается и последнего утверждения: знакомство с прецедентными текстами определенной культуры не обязательно означает включенность в ее речевое общение. Сужение понятия автором можно объяснить спецификой его исследования, которое посвящено национальным и социокультурным стереотипам.

В этом плане представляет интерес работа В.Г. Денисовой, где представляется трехуровневая концепция прецедентных текстов, входящих в «интертекстуальную энциклопедию» (набор прецедентных текстов языковой личности) [Денисова, 2003: 148]. Исследователь выделяет следующие типы интертекстуальной энциклопедии: универсальную (тексты мировой культуры), национальную (тексты национальной культуры) и индивидуальную (тексты, представляющие интерес для отдельной ЯЛ; формируется в контексте двух вышеназванных энциклопедий, но не совпадает с ними полностью) [Там же: 148–150]. Вспомнив типы выводного знания о ЯЛ по Ю.Н. Караулову (о личности как представителе человечества, языковой общности и как об уникальном авторе текстов), мы увидим ту же трехуровневую модель, в которую встраивается человек, создаваемые и познаваемые им тексты.

В статье И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова и Д.В. Багаевой рассматриваемое нами понятие конкретизируется и раскладывается на составляющие. Определение Ю.Н. Караулова, по мнению авторов статьи, больше подходит для трактовки понятия «прецедентный феномен», поскольку «текст» понимается Карауловым слишком широко. Под прецедентным же

текстом исследователи понимают «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативную единицу; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [Захаренко и др., 1997: 83]. Обращение к прецедентному тексту может неоднократно возобновляться в коммуникации, в эти тексты входят художественные произведения («Шинель», «Мастер и Маргарита»), тексты песен («А не спеть ли мне песню...»), рекламы («Гиги за шаги») и т.д.

Авторами вводятся еще три понятия. Первое, прецедентная ситуация, подразумевает «некую "эталонную", "идеальную" ситуацию, связанную с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу» [Там же]. Означающее прецедентной ситуации – прецедентное высказывание или прецедентное имя.

Первое представляет собой «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченную и самодостаточную единицу, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [Там же]. Прецедентными высказываниями могут быть цитаты из текстов разного характера («А судьи кто?», «Танцуют все!») и пословицы («Сделал дело – гуляй смело»).

Прецедентное имя – это индивидуальное имя, которое связано с прецедентным текстом (Гамлет, Обломов) или прецедентной ситуацией (Минин и Пожарский); «это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Там же]. Таким образом, исследователями создается система понятий, комплексно описывающая прецедентность.

Значимое добавление в рамки термина вносят Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова. Они предлагают включить в число прецедентных текстов

также тексты, «обладающие ценностной значимостью в течение относительно короткого промежутка времени, равно как и тексты, прецедентные для сравнительно узкого круга лиц» [Слышкин, Ефремова, 2004: 45]. Действительно, текст популярной песни или рекламы, обсуждаемой речи политика может за относительно недолгое время известности приобрести свойства прецедентности. Нужно помнить, что текст, прецедентный для узкого круга лиц, например, для семьи или учебного класса будет обладать таким свойством лишь внутри группы, которой принадлежит.

Далее исследователи говорят о том, что ценностная значимость может быть не только положительной, но и отрицательной, а усвоение текста обществом «может являться как актом "доброй воли", так и результатом так называемого "текстового насилия"» [Там же]. Знакомство с прецедентными текстами не всегда происходит под влиянием собственных намерений, другие люди или сообщества так же влияют на формирование наших знаний.

Примером могут служить реклама и СМИ. Существует ряд работ, которые показывают, что прецедентные тексты активно функционируют в этих сферах [Постнова, 2002; Юрьева, 2012; Еремкина, 2017; Минибаева, Максютлова, 2018; Нахимова, Потоцкая, 2019]. Помимо художественных и публицистических текстов, источником формирования базы прецедентных текстов могут служить тексты песен [Кочесокова, 2011; Кочесокова, 2012; Кузьмич, 2016] и тексты из интернет-коммуникации [Гриценко, 2010].

Слышкин и Ефремова формулируют собственное определение прецедентных текстов как «любой характеризующейся цельностью и связностью последовательности знаковых единиц, обладающей ценностной значимостью для определенной культурной группы» [Слышкин, Ефремова, 2004: 50]. Отмечаются такие свойства прецедентного текста как неограниченная протяженность и возможность включения компонентов изображения или видео.

Наглядно демонстрирует значимость прецедентных текстов постановка вопроса о разработке методики обучения их употреблению. И.В. Лыткина в своей диссертации предлагает следующие этапы работы со студентами: формирование у студентов представления о прецедентных текстах, а также соответствующих умений и установки на употребление ПТ в речи; актуализация ПТ, находящихся в пассивном лексиконе; обогащение словаря студентов прецедентными средствами; разработка соответствующих приемов и средств обучения [Лыткина, 2003: 5]. Автор работы пишет о необходимости включения этого обучения в вузовские дисциплины риторика и культура речи. Кроме того, возможно использование описанной методики и в школьном курсе. Данная разработка представляет интерес с точки зрения обогащения речи и систематического изучения материала.

Вопрос об обучении прецедентным текстам ставится и в области изучения русского языка как иностранного. Выше мы писали об их культурной и общественной значимости, чем и обуславливается внимание к ним в рамках дисциплины. Исследователи Л.М. Гриценко, Т.А. Демидова, М.Е. Бохонная для такого изучения предлагают использовать классификацию по типу источника, а именно это паремии, афоризмы, крылатые выражения; цитаты из песен; цитаты из фольклорных и художественных произведений, анекдотов; цитаты из кинофильмов, мультфильмов, рекламных роликов [Гриценко, Демидова, Бохонная, 2017: 6]. На наш взгляд, данная типологизация требует пересмотра, поскольку вызывает ряд вопросов (почему анекдоты выделены из фольклорных текстов, почему в списке есть цитаты из рекламных роликов, но нет цитат из печатной и аудиорекламы и др.). Несмотря на недоработки, в статье имеется замечание, с которым мы согласны: изучение прецедентных текстов необходимо иностранным студентам не только гуманитарных, но и технических специальностей, так как «данный пласт русского языка актуален для любых сфер общения и его изучение во многом способствует

беспрепятственной, полноценной коммуникации и, несомненно, позволяет усовершенствовать знания русского языка» [Там же: 9].

Итак, анализ существующих в науке представлений о прецедентности показал, что прецедентные тексты значимы как для коллектива, так и для отдельной языковой личности. Им свойственны различные способы бытования; способы их усвоения так же различны. Прецедентными текстами могут являться имена и высказывания, неограниченные по объему.

1.3. Изучение языковой личности поэта

Со знанием теоретического материала обратимся к исследованиям, связанным с конкретными языковыми личностями художников слова. Как пишет А.Н. Попкова, рассматривающая особенности вербализации лингвоэмоциональной картины мира на примере текстов художественной литературы, ЯЛ – это точка отсчета при лингвистическом анализе, она определяет его направленность и конечный результат, «через языковую реализацию осуществляется представление языкового сознания индивида» [Попкова, 2005: 9]. Личность отражается в созданных ею текстах.

Языковая личность поэта, обладающая повышенным творческим потенциалом, представляет особый интерес для исследователей, поэтому закономерно, что ЯЛ автора поэтического текста рассматривается в рамках нескольких направлений. О.В. Федотова называет среди них прагмалингвистику, психопэтику, поэтологию [Федотова, 2007: 12]. Говоря об особенностях описания языковой личности поэта, исследователь отмечает трудности системного описания, связанные с необходимостью полного охвата всех созданных рассматриваемой личностью текстов. Ввиду сложности решаемой задачи в приоритете для исследователя – «описание отдельных аспектов языковой личности поэта, которое производится с опорой на все

доступные тексты» [Там же: 13]. Автор работы подчеркивает, что поэтический текст – это один из способов изучения сознания автора. Другие текстовые материалы, а также интервью и выступления тоже фиксируют авторское сознание.

Характеризуя, в частности, языковую личность поэта А.А. Вознесенского через лексику науки и искусства, Федотова использует методику анализа лексем, которая включает следующие этапы: создание алфавитно-частотного словаря текстов, определение количественного состава лексики определенного типа с распределением по областям знания, выявление контекстов, создание парадигмы образов для самых частотных лексем, анализ этих образов и, наконец, реконструкция основных черт языковой личности поэта, отраженных в составе и особенностях использования определенного типа лексики [Там же: 14]. Так, создается алгоритм описания лексики науки и искусства, который возможно применять более широко.

В ЯЛ А.А. Вознесенского автор диссертации выделяет следующие черты: способность улавливать «запросы быстро меняющегося времени и чутко реагировать на них», стремление создавать максимально конкретный визуальный образ, ориентация на собственное восприятие, творческое отношение к языку и стремление к его обогащению, разносторонность и зрелость эстетических взглядов [Там же: 22–23]. Так, анализ языковой модели мира поэта позволяет определить и выделить характерные особенности его языковой личности.

Описание ЯЛ через поэтический идиолект предлагает Е.А. Кац в работе, посвященной текстам Георгия Иванова. Своей целью исследователь ставит «описание языковой личности <...> как совокупности когнитивных, текстовых и интертекстуальных стратегий» [Кац, 2009: 2]. Используя метод анализа семантических типов предиката в идиолекте, автор рассматривает поэтические стратегии ЯЛ, которые можно проследить как в тексте, так и в его взаимодействии с другими текстами. Такие стратегии могут проявляться на

разных уровнях текста (фонетическом, лексико-семантическом, морфологическом, синтаксическом), в структурировании текста, в отборе языковых единиц.

Значимым нам кажется замечание о том, что интертекстуальные стратегии «являются неотъемлемой частью текстовой структуры изучаемого идиолекта» [Там же: 4], поскольку включение предшествующих текстов, в том числе прецедентных, в новый художественный текст обеспечивает их взаимодействие и является важным с точки зрения смысла и эмоционального восприятия, а также показывает существенность того или иного текста для изучаемой ЯЛ. В частности, в поэзии Георгия Иванова на позднем этапе определенные стратегии и приемы занимают выделенную позицию, что сигнализирует об их значимости для поэта.

К лексикографическому методу описания ЯЛ поэта обращается Н.М. Шевченко. Исследователь заостряет внимание на том, что антропоцентрический подход, развитый в современной лингвистике, проявляет особый интерес «к интеллектуальным личностям, осуществляющим коммуникативную деятельность в условиях определенного культурно-языкового пространства» [Шевченко, 2014: 4]. К таким личностям она относит М. Цветаеву, которой и посвящена работа.

Исследуются когнитивно-концептуальные единицы, во-первых, выполняющие речемыслительную функцию, во-вторых, формирующие кодовое мышление путем трансляции культурных смыслов и образной передачи информации о событиях в мире поэта и о его отношении к окружающей действительности. В творчестве М. Цветаевой они представлены прецедентными именами, авторскими фразеологизмами и формулами [Там же: 10]. На материале когнитивно-концептуальных единиц, выделенных в прозаических текстах рассматриваемого поэта, Н.М. Шевченко делает вывод об уникальности личности Цветаевой, что соотносимо с понятием о творческой индивидуальности поэта как художника слова.

Для нашего исследования наибольший интерес из названных единиц представляют прецедентные имена, которые в работе Шевченко описываются как «одно из внутренних лингвистических средств текстообразования, являющееся когнитивно-концептуальным знаком кодовой системы поэта» [Там же: 25]. Особенность исследования заключается в том, что автор делает попытку создания энциклопедического словаря «Вселенная имени Цветаевой». Там прецедентные имена, названные Цветаевой, описываются через следующие параметры: «официальное именование имени, структура именованного, полиимения имени (другие именованного – прим. авт.), кому принадлежит имя, контекст авторского досье на имя, частота употребления» [Там же: 24]. На наш взгляд, подобная системность, свойственная лексикографическому описанию, помогает упорядочить широкий спектр прецедентных явлений в текстах конкретной ЯЛ.

Исследование ЯЛ нашего современника из мира поэзии провела К.А. Елистратова. В рамках лингвосемиотики Елистратова проводит анализ ономастикона поэтического дискурса Веры Полозковой. На момент написания диссертации (2015 г.) у поэтессы было выпущено три сборника («Непоэмание» 2008, «Фотосинтез» 2009, «Осточерчение» 2013). Она творчески активна по сей день: вышло еще две книги («Ответственный ребенок» 2017, «Работа горя» 2020), появляются публикации в Интернете, выпускается поэтический аудиоматериал. Работа о современном поэте, начинавшем свою деятельность в сетевом пространстве, несомненно, представляет для нас интерес. Обосновывая выбор материала исследования, Елистратова называет современную сетевую поэзию «проекцией картины эпохи», которая регистрирует «актуальность выбора тех или иных культурно значимых реалий и фикций», обращает внимание на отсутствие исторической и психологической дистанции с читающей молодежью, на популярность и доступность данного формата [Елистратова, 2015: 4–5]. Согласимся с доводами исследователя.

Среди онимов, используемых В. Полозковой, автор работы выделяет: топонимы (названия географических объектов), антропонимы (имена собственные, называющие человека), поэтонимы (здесь: любые имена собственные, использующиеся в художественном тексте), прагматонимы (номинации различной продукции), а также группы факультативных онимов, не обладающих высокой значимостью в поэтическом мире рассматриваемого поэта (зоонимы, космонимы и др.). Все онимы разделена на прецедентные и непрецедентные.

Остановимся подробнее на прецедентных поэтонимах. В пространстве текста это «ключевые слова», «маркеры авторской стратегии», «читательские ориентиры» [Там же: 11]. Выделенные группы мифонимов, фольклоронимов, теонимов и агιονимов занимают центральное место в ономастиконе поэтического дискурса В. Полозковой. Поэтонимы, переходящие из стихотворения в стихотворение поэтессы выполняют функцию идиостилевых концептуальных доминант. В целом, главными функциями поэтонимов у Полозковой называются стилистическая и текстообразующая [Там же: 15]. Несмотря на количественное преобладание топонимов и антропонимов в данном дискурсе, ведущая роль отводится прецедентным поэтонимам, что еще раз подчеркивает их смысловую и эмоциональную значимость для художественного текста.

Личность выдающегося автора, входящего в литературный канон, возможно интерпретировать как символ национальной лингвокультуры, как делает, например, Е.И. Куган в исследовании, посвященном Б. Пастернаку и М. Прусту (учитывая специфику нашего исследования, ценность для данного параграфа представляет включение в материал исследования опорных поэтических текстов Б. Пастернака). Исследование Е.И. Куган сосредоточено на перцептивных концептах в художественном дискурсе названных ЯЛ. Моделирование языковых личностей осуществляется с учетом «тематической, эмоционально-экспрессивной и этнокультурной составляющей дискурса»

[Куган, 2017: 10]. Выделяются перцептивные доминанты в текстах обоих авторов, при сопоставлении выделяются дифференцирующие и общие параметры чувственного восприятия. В дискурсе Пастернака отмечена предпочтительная ориентированность на русскую культуру в сочетании с творческой свободой, таким образом, его ЯЛ представлена с двух позиций: уникального носителя языка и представителя определенной языковой общности.

Приближаясь к практической главе, рассмотрим последнюю работу, специфика которой довольно полно отвечает методике нашего исследования. А.А. Михеев изучает интертекстуальность и прецедентность в структуре языковой личности А.С. Пушкина. Автор подсчитывает и систематизирует единицы интертекстуальности и прецедентности в дискурсах разных типов: художественном, литературно-критическом, эпистолярном. Собранные единицы классифицируются по двум критериям: тип включения текста и группа источников. Для наглядности автором приведены их процентное соотношение и градация, показаны соответствующие графики.

Важным для нас в теоретическом плане является сопоставление теорий интертекстуальности и прецедентности, проведенное А.А. Михеевым. Исследователь установил, что их системы понятий обладают «потенциалом плодотворного взаимодействия в рамках общего анализа интегрированных в тексте отсылок к другим текстам, произведениям устного народного творчества (прецедентным текстам), культурно-историческим фактам, известным автору и адресату (адресатам) прецедентным событиям» [Михеев, 2018: 10]. Часть тезауруса, сформированная прецедентными текстами и событиями, вербализуется «посредством прецедентных высказываний (дифференцируемых понятийным аппаратом теории интертекстуальности на цитаты, аллюзии, аппликации) и прецедентных имен (референций)» [Там же: 11]. Использование категориального аппарата смежной теории интертекстуальности позволяет избегать терминологической

полисемии и дополнять имеющиеся наработки понятиями из области прецедентности.

В результате исследования лингвокогнитивной базы А.С. Пушкина его ЯЛ охарактеризована как «творчески гениальная, оригинальная, отличающаяся высокой интеллектуальной активностью и культурологической эрудицией, реализующаяся в профессиональной деятельности» [Там же: 21]. На наш взгляд, такой результат анализа дискурсов разных типов А.С. Пушкина позволяет еще раз подтвердить высокую значимость его творческой деятельности для литературного процесса.

Обобщая изложенное, скажем о вариативности подходов к изучению языковой личности поэта, что обусловлено исследованием различных граней ЯЛ. Обратим внимание, что работы, взятые для анализа в этом параграфе, приведены в хронологическом порядке, но единого метода или главенства того или иного подхода в определенный период не прослеживается.

Помимо диссертаций, посвященных языковым личностям поэтов, можем выделить тематические группы статей, где исследуются ЯЛ:

- 1) национальных и региональных поэтов [Салимова, 2010, Паршина, 2011; Никулина, 2019; Марченко, Курмакаева, 2019];
- 2) поэтов-музыкантов [Иванова, 2014; Шаджанова, 2015; Туркина, 2018; Бурмакина, Мамаева, Тимченко, 2019; Иванов, 2020];
- 3) сетевых поэтов [Шумкина, 2017; Ермакова, Павлова, 2019; Ефимова, 2020];
- 4) переводчиков поэзии [Салахитдинова, 2012];
- 5) поэтов через прозаические тексты [Кузнецова, 2018; Доминенко, 2019, Михальчук, 2020].

Вне зависимости от анализируемых аспектов, ЯЛ поэта всегда характеризуется как оригинальная, творческая, важная в культурном отношении.

1.4. Изучение сетевой литературы

Приближаясь к главе, посвященной текстам сетевых поэтов, обозначим, что представляет из себя сетевая литература (СЛ) и как ее понимание отражено в исследованиях.

Для обозначения данного явления в разное время предлагались термины сетевая словесность, сетература, кибература, интернет-литература, более узкий – литература Рунета (и РуЛиНет (русский литературный Интернет)). Исследователи проводят линии различия между этими понятиями [Розанов, 2010; Суслова, 2013] (в англоязычной научной литературе для данного явления тоже предложены различные варианты названия: *electronic literature (eLiterature), digital literature, web fiction, network literature, online literature* [Цветкова, 2020]). Мы будем использовать термин сетевая литература как наиболее, на наш взгляд, понятный, нейтральный и устойчивый, и сопутствующие ему термины сетевой поэт (СП), сетевой автор.

Определение сетевой литературы как одного из видов сетевого искусства, основывающегося на использовании письменности и имеющего как конечный продукт «художественное произведение, размещенное в сети Интернет» [Проект, 2012: 208] кажется нам наиболее соответствующим данному явлению.

Указанный вид литературы, несмотря на тесную связь с современными технологиями, насчитывает уже несколько десятилетий истории. Становление русскоязычной СЛ, начиная с 90-х годов, подробно описывает М.Я. Визель в специальном цикле лекций [Визель, 2021]. Мы остановимся лишь на вопросе о локализации текстов сетевых авторов и связанной с ним эволюции русского литературного Интернета.

Появившись как «клуб по интересам», участники которого были увлечены русским языком и русской культурой, литературный Интернет

кристаллизовался после смерти поэта Иосифа Бродского (1996 г.). В этот период в интернет-пространстве происходило знакомство деятелей, развитие литературных проектов и писательских объединений, появлялись литературные конкурсы и сайты. Первые сайты такого рода были созданы выпускниками Тартуского университета, учениками Ю.М. Лотмана, перенесшими семиотический подход и целый комплекс идей Лотмана в сеть.

Уже в 2001 г. на смену сайтам, которые были устроены по принципу литературных журналов, пришли блоги. Сначала это была одна блог-платформа «Живой Журнал» (или «ЖЖ», «LiveJournal», «LJ»), популярность которой в русскоязычном пространстве началась с записи Романа Лейбова, лектора Тартуского университета. На интернет-площадку пришло множество пользователей, и главным отличием этого периода стало то, что подписчики самостоятельно начали создавать и редактировать контент, который потребляют (Е.В. Степанов видит в появлении Интернета как «инструмента сохранения и тиражирования рукописи» главную причину выхода из периода «застоя» литературного процесса [Степанов, 2008]).

По М.Я. Визелю, особенность нашего времени состоит в том, что значительная часть интернет-литературы из журналов и блогов переместилась в социальные сети (ВКонтакте, Инстаграм, Фейсбук, ТикТок и др. (А.А. Хохлова даже выделяет Инстаграм и Пинтерест-поэзию из интернет-поэзии по принципу доминирования визуальной составляющей [Хохлова, 2021: 69], но на наш взгляд, в тематических постах со стихотворениями поэтическая составляющая всегда играет первостепенную роль, визуальная же поэзия и видеопоззия являются синтетическими жанрами, где оба компонента имеют определяющее значение)). На некоторых сайтах есть возможность размещения текстов как в «пабликах» (на публичных страницах), так и в личных аккаунтах.

Показатели из социальных сетей начали влиять на успешность публикаций автора не только в сетевом пространстве, но и в бумажных

изданиях: по словам Визеля, в 2020 г. от издательства «Эксмо» прозвучало заявление о том, что вопрос о тираже автора-дебютанта будет напрямую зависеть от количества лайков на его интернет-странице с текстами. Сейчас в Интернете «растворена вся наша культура» [Визель, 2021], поэтому литература и формы ее бытования меняются вместе со всей культурой современности.

Наличие феномена сетевой литературы не вызывает сомнения. Сеть – это не просто новый носитель текста, появившийся на смену бумажному, это среда, где сформировались специфичные литературные явления, разнообразные по формам и жанрам: от малых форм юмористической поэзии типа «пирожки» и др. [Исаков, 2018; Ульянова, Эртнер, Мавлютова, 2019], до гипертекстового романа (гиперромана) [Стройков, Борисова, 2019; Лицарева, Мордовская, 2020: 408–410; Цветкова, 2020] (о гиперссылочной организации текста также: [Абросимова, 2020], примеры интерактивных художественных гипертекстов: [Басова, 2015: 26]).

Кроме того, в сетевой среде возможно использование средств мультимедиа, которые дополняют текст или непосредственно встраиваются в него (например, анонимные эксперименты на стыке текста и фотографии в сообществах типа «Вижу рифмы» [Бартош, 2018а; Крылова М.Н., 2018]).

Е.Б. Ракитина в тематической статье говорит о том, что создателям сетевого ресурса Стихи.ру вообще свойственно желание «избежать четкой жанровой квалификации текста, раздвинуть формальные рамки» [Ракитина, 2008а: 166], останавливаясь на разделе «стихи, не вошедшие в рубрики» на названном сайте. Отметим, однако, что для упрощения поиска и удобства пользователей на сайтах, специально посвященных сетевой литературе, как правило, присутствует разграничение произведений по тому или иному признаку. Показательный пример – сайт Книга Фанфиков.

На данном сайте кроме направленности по признаку отношений между персонажами и «меток» (21 категория, внутри каждой из которых есть разделы более мелкие, например, в категории «жанр» есть подкатегории «романтика», «драма», «повседневность» и др., всего 115 жанров, включая «промежуточные направленности», или категория «исторические периоды и события», включающая 76 подкатегорий) у авторов и читателей есть возможность выбрать принадлежность текста к фэндому (или фандому – сообществу поклонников чего-либо), пэйринги (пейринг – романтические и (или) сексуальные отношения между определенными персонажами), количество страниц, статус завершения, возрастной рейтинг и т.д. Как видим, здесь разграничение максимально подробное. И на 2022 г. можно обнаружить намного больше жанров фанфикшена, чем было зафиксировано ранее (ср., например, [Бурцева, 2014]).

Далее скажем о характерных чертах сетевой литературы, что поможет нам выявить специфику материала. Ю.В. Бартош, автор ряда убедительных статей по сетевой литературе, выделяет следующие черты: «отсутствие редакторов и, как следствие, – большая свобода в выборе темы и формы, возможность корректировать текст уже после его опубликования, гипертекстуальность, мультимедийность, поликодовость, использование особого рода языковых средств» [Бартош, 2019: 231]. Исследовательница наглядно описывает особенности графического оформления текста, лексики, словообразования, морфологии, синтаксиса сетевой поэзии.

Кроме того, важно упомянуть «включенность произведения в общий дискурс сетевого взаимодействия в конкретном виртуальном сообществе в конкретный исторический момент времени», «возможность коллективного сотворчества (авторства)» [Проект, 2012: 208].

Вопросы, связанные с автором и авторством, являются для сетевой литературы насущными. «Как это было всегда, – пишет С.В. Крылова, – в нынешней литературе выделяют две тенденции: авторов так называемого

«классического направления», и тех, кто традиции нарочито нарушает» [Крылова С.В., 2018: 282]. Заметим, что подобное деление очень условно и возможно лишь с рядом оговорок (о том, что подразумевать под «традицией», о «новизне» приемов современных авторов и др.). Тем не менее скажем, что авторов, рассматриваемых нами в практической главе, можно скорее отнести к «классическому» направлению (наличие рифмы, деление на строфы и строки в большинстве текстов, нормативное словоупотребление), что позволяет исследовать их языковые личности с опорой на материалы работ по хрестоматийным авторам.

Но важно сказать, что большинство авторов в сети пишут свои стихотворения под псевдонимами. В силу особенностей сетевого пространства тем самым создается возможность формирования «виртуальной личности». По утверждению Ю.В. Бартош, это накладывает отпечаток на творчество из-за условной анонимности, виртуальная личность зачастую не совпадает с чертами реального автора: «...по сути, мы видим «чистое» стихотворение с минимальными сведениями об авторе – иногда не известен ни пол, ни возраст» [Бартош, 2018b: 118]. Е.А. Горный отобрал характерные черты виртуальной личности, которые выделяют исследователи:

- 1) бестелесность, «редукция личности к ее семиотическим манифестациям»;
- 2) анонимность (ее возможность);
- 3) свобода наделять виртуальную личность любыми характеристиками;
- 4) возможность иметь множество виртуальных личностей (одновременно или поочередно);
- 5) возможность симулировать активность с помощью компьютерных программ [Горный, 2007].

Акцентируем внимание на том, что наличие псевдонима у сетевого автора не тождественно наличию виртуальной личности, последнее является отдельным конструктом (или его считают даже «особым жанром литературного

творчества» [Миронова, 2016: 90], но, пожалуй, описанное явление выходит за рамки литературы).

Вокруг СЛ ведется достаточно много споров. То, что литература сети – это отдельный феномен, не являющийся простым переносом «бумажной» (или могущей стать таковой) литературы на веб-страницы, мы показали выше. Теперь же скажем об одном из главных пунктов расхождения между исследователями: «дилетантство» сетевых авторов.

Действительно, сетевые авторы, находясь в непосредственном взаимодействии с читателями, минуя этапы отбора, редактуры и цензуры, традиционные для книгоиздательского дела. Эти условия делают доступным публикацию текста практически для каждого, и «современные ученые, литературные критики нередко относятся к сетевой литературе как к питательной среде для графоманов» [Дырдин, Куранов, 2008: 121]. Это было замечено в 2008 г., и в более позднее время появлялись высказывания наподобие следующего: сетевая литература «порождает графоманов, тиражирующих приёмы постмодернизма и искажающих саму сущность художественной литературы» [Гмызина, 2017: 4]. По нашему мнению, с этой позиции невозможно оценить все многообразие сетевой литературы, на просторах Интернета есть место и «дилетантам», и «талантам».

Сетевое пространство представляет собой место, где читательские отзывы, погруженность в контекст литературного процесса могут помочь автору развить навыки и перейти в следующую категорию развития литературного мастерства. Как точно заметили А.А. Дырдин и А.О. Куранов, «участие в литературно-сетевом проекте – один из способов, первая стадия преодоления дилетантства» [Дырдин, Куранов, 2008: 122]. Согласимся и с Е.В. Пономаревой, которая пишет: «анализ ряда сайтов позволяет судить о высокой культуре блогеров и блогов» [Пономарева, 2012: 205]. Нам важно это подчеркнуть, поскольку мы, исследуя языковые личности сетевых авторов, в

своем выборе ориентировались на поэтов с достаточно высоким уровнем культуры.

К тому же, известно множество случаев взаимопроникновения «книжной» и сетевой среды. Отмечается активное взаимодействие «“традиционных” и “сетевых” литературных жанров» [Басова, Усачева, 2015: 95]. У издательства АСТ существует серия «Одобрено Рунетом», где публикуются отечественные авторы, чьи книги прославились в Интернете, распространена практика, где сами сетевые авторы издают книги с помощью краудфандинговых проектов (выход книги спонсируют читатели, и это говорит о большом доверии и признании с их стороны). Встречную тенденцию, где «бумажные» авторы размещают свои произведения в сети, наглядно описывает Ю.В. Бартош, наводя на мысль о «теоретическом осмыслении такого синтеза» [Бартош, 2019: 238]. Так что говорить об общей несостоятельности сетевых авторов уже безосновательно.

Нападки со стороны исследователей совершаются и на читателей. Встречается мнение, что читатель сетевой поэзии привлекается «простотой формы, доступностью изложения и близостью темы и эмоционального тона», и «высоко оценивает такую поэзию, не задаваясь вопросом о качестве, новаторстве, свежем взгляде, необходимом разнообразии» [Папковская, 2018: 144]. Есть даже попытка создания портрета языковой личности «современной любительницы поэзии» [Крылова М.Н., 2020]. Автор статьи делает следующий вывод: «основной (наиболее активный, явный по проявлениям в социальных сетях) современный потребитель поэзии – молодая девушка / женщина (18–35 лет), предметом внимания которой становятся, к сожалению, стихи плохого качества и примитивного содержания». К причинам этого автор относит «отсутствие качественного литературного образования, интереса к чтению, инфантилизм, свойственный большинству представителей современной молодежи», в конце отмечает «общий позитивный настрой личности, потребность в прекрасном», которая

нивелируется «неумением отличать прекрасное от безобразного» [Там же: 30]. Нам не близок дидактический настрой автора последней статьи (выводы тоже не обоснованы, стоит только взглянуть на широкий пласт отсылок на классическую русскую литературу [Ракитина, 2008b; Скаковская, 2012; Скаковская, 2013; Скаковская, 2014; Юрьева, 2014; Серебрякова, Исаков, 2019] в сетевых текстах, чтобы убедиться в достаточном уровне образования и любви к чтению у их читателей).

Более того, нам видится несправедливым такое уравнивание сетевых текстов, настрой на восприятие исключительно «примитивных» их форм, как и на наделение всех читателей современной поэзии названными характеристиками. В то же время, изучение языковой личности сетевого автора и читателя может стать одним из векторов лингвоперсонологических исследований.

Изучение ЯЛ читателей в сети наиболее наглядно и продуктивно через комментарии, написанные ими (не через читаемые тексты, как делалось в работах, приведенных выше). Е.Б. Ракитина выделяет три основных типа литературно-критических сетевых комментариев:

- 1) «непосредственно-эмоциональная реакция («понравилось», «спасибо», «прекрасно», «грустно», «бессмыслица», «набор слов» и пр.)»;
- 2) «попытка литературно-критического осмысления и даже стиховедческого анализа текста»;
- 3) «особый, возможный только в сетевом общении отклик стихами на стихи, поэтический диалог» [Ракитина, 2008a: 167].

Последнее исследовательница называет «наиболее интересной формой общения в комментариях», где исходный текст «выступает в качестве побуждающего к творчеству импульса», комментатор таким образом выражает «творческую эмпатию и личную симпатию к автору» [Там же]. В

пример можем привести сообщество ВКонтакте Сола Монова (URL: <https://vk.com/public.sola>), где практически под каждым стихотворением поэтессы пользователь Алексей Алексеев оставляет собственные пародийно-сниженные стихотворные вариации на тему стихотворения или одну из строк. На этот поэтический отклик тоже откликаются другие пользователи, очевидно сетевое взаимодействие.

В новейших исследованиях ученые отказываются от определения качества текста по месту его бытования, снимается разграничение бумажных и сетевых публикаций «и по той причине, что граница между «штилями» поэзии существенно размылась; и из-за установившейся тотальности Интернета» [Закарьяевич, 2021: 210]. Это определенно положительная тенденция.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Как следует из изложенного, в первой главе мы рассмотрели два важнейших для нашей работы феномена: языковая личность и прецедентный текст, а также провели анализ работ, посвященных ЯЛ поэтов и показали, как исследуется сетевая литература.

Языковая личность целенаправленно изучается лингвистикой уже несколько десятков лет, и за это время сформировались специальные направления, методы и подходы. Понятие «языковая личность» уточняется и дополняется. Основная составляющая дефиниции – определение ЯЛ как носителя языка, охарактеризованного через анализ произведенных им текстов. О языковой личности можно говорить как об индивидууме с присущими ему особенностями, как о типовом представителе определенной языковой общности и как о представителе всего человечества.

Понятие о прецедентных текстах, значимых в культурном плане и имеющих большое значение в познавательном и эмоциональном отношении для личности, системно отражено в исследованиях. Классификация способов ввода прецедентного текста через заглавие, цитату, имя персонажа и имя автора служит основой для анализа прецедентных единиц в практической главе.

Отдельно отметим роль в становлении теории вышеназванных явлений Ю.Н. Караулова, основоположника научной школы «Русская языковая личность». Именно он вывел базовые определения и дал толчок к проведению научных исследований в этом русле.

В аналитическом параграфе работы ученых были рассмотрены в хронологическом порядке. Можно увидеть, что исследуемые языковые личности принадлежат к разным временным эпохам (от начала 19 до 21 вв.). Это свидетельствует, во-первых, об интересе к ЯЛ поэта в целом, во-вторых, об универсальных возможностях изучения ЯЛ поэта, в-третьих, о

неугасающем интересе к классикам и живом интересе к новым художникам слова. Убедившись на примерах в широком спектре подходов к изучению языковых личностей поэтов, можем сказать, что несмотря на отсутствие единой классификации методов, многообразие исследований способствует развитию направления.

На данном этапе главный фокус внимания исследователей наведен на классических авторов, но появляются работы, освещающие ЯЛ хронологически близких к нам поэтов или современников, это дает повод полагать, что научное сообщество оценит значимость актуальных молодых поэтов, в том числе сетевых.

В области изучения сетевой литературы отметим большое количество работ, возрастающее с каждым годом. Это говорит об актуальности темы и о возможностях ее дальнейшего развития. Мы постарались показать, что сетевая литература является уникальным феноменом, имеющим свою историю становления и развития, и развеять возможное предубеждение о качестве текстов из интернет-пространства.

ГЛАВА 2. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ ВЛАДИМИРА ЛИСТОМИРОВА И ДЖЕКА АБАТУРОВА

2.1. Владимир Листомиров и Джек Абатуров в мире сетевой поэзии

Практическая часть работы посвящена исследованию прецедентных текстов в структуре языковой личности сетевых поэтов Владимира Листомирова и Джека Абатурова. Поскольку для научной среды этот материал новый, считаем необходимым более подробно рассказать о выбранных авторах и об изучении сетевых поэтов в целом.

Первой языковой личностью, выбранной для анализа, стал Владимир Листомиров. Автор ведет поэтическую деятельность в сети с 2014 года. На данный момент в его интернет-сообществе в социальной сети ВКонтакте [Листомиров, 2022] более 40 тысяч подписчиков. Читатели не только отмечают стихотворения Листомирова оценкой «нравится» и пишут комментарии, но и записывают видео с художественным прочтением его текстов (см. список источников иллюстративного материала), существуют и любительские драматические постановки по стихам Листомирова: «Роман с поэтом» (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KZCBPQ1f1uM>) и «Сад поэта» (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KZCBPQ1f1uM>). Приведенные примеры подтверждают значимость данной языковой личности.

Листомиров – автор, с чьим творчеством можно познакомиться только в сети. Ни о бумажных сборниках стихотворений, ни о живых выступлениях (что довольно часто практикуют популярные сетевые авторы) информации нет. В саморепрезентации данного поэта присутствует большая доля анонимности. Владимир Листомиров – это псевдоним, информацию о себе (пост со своими фотографиями) автор разместил только спустя шесть лет после начала интернет-творчества (запись в сообществе ВКонтакте от

08.09.2020: «мне сегодня 22, и я устала ненавидеть своё лицо <...> в добрый путь, Листомиров, нам было хорошо вдвоём, но пора становиться единым целым»). Каждый год автор делает запись на стене сообщества в свой день рождения. Исходя из информации оттуда, на начало 2022 г. поэту 23 года. На личной странице указан город Санкт-Петербург и место учебы СПбГЭТУ (ЛЭТИ).

Листомиров был выбран для исследования как языковая личность, обладающая высоким уровнем речевой культуры и широким охватом культурных знаний. На протяжении своего творческого пути он неизменно обращается к значимым литературным образцам, творчески осмысляя их. Исходя из ПЕ, которые Листомиров включает в свою поэзию, были выделены три группы прецедентных текстов: из русской и зарубежной литературы и мифологии.

Джек Абатуров – автор несколько иного плана. Он не только использует текстовую форму самовыражения, но и показывает себя в аудиоформате: тринадцать стихов записаны в исполнении Абатурова и положены на музыку. Более того, он выходит и в офлайн-формат: в 2015 г. состоялось живое выступление в Санкт-Петербурге, а также были даны интервью [Арутюнян, 2018; Новиков, 2019].

Данный автор также пишет под псевдонимом, но известно настоящее имя – Александра Кириллова, на заставке интернет-сообщества размещена ее фотография. На начало 2022 г. Александре 29 лет. Из интервью и автобиографического материала в стихах известно, что она родом из Вологды («...в Вологде уже начались морозы...» и др.), где закончила исторический факультет. Она мечтала уехать в Санкт-Петербург («Вечер – еще универ. Я живу тут. / Плавать в любви можно же целый день. / Выйду и после / уеду в Санкт-Петербург / из вологодских плюшевых деревень»), что и сделала, поступив в СПбГУ, где в 2018 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук [Кириллова, 2018] (любопытны с этой

перспективы строки в стихотворении 2013 г.: «Я в истории Вашей дурочка-безбилетница, / поступившая почему-то не на филфак») В одном из интервью Александра отмечает, что в Петербурге она пишет гораздо меньше: «В Вологде мне было комфортнее. За три года жизни в Петербурге я написала, наверное, стихотворения три-четыре от силы. Все остальное сочиняется во время редких визитов домой» [Арутюнян, 2018]. В 2008 г. Е.В. Степанов назвал «очень высокий уровень поэзии российских регионов и не выведенной в мейнстрим поэзии столичных городов» важнейшей особенностью времени [Степанов, 2008], как мы считаем, правомерно говорить об этом и в контексте творчества выбранных авторов.

В сообществе «Джек Абатуров» ВКонтакте [Джек Абатуров, 2021] в настоящее время около 20 тысяч подписчиков. Первая запись относится к началу 2012 г., т.е. Абатуров пишет в сети уже как минимум 10 лет. Аудитория поэта оценивает и комментирует стихотворения. В отдельном альбоме размещены арты от подписчиков, связанные с его личностью и творчеством. В сети можно найти художественное прочтение его стихов в исполнении читателей (см. список источников иллюстративного материала), современного СП: (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=t7nbeQvgxo>), а также музыкальное переложение (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kSM9dsKqUro>). Примеры демонстрируют значимость выбранной языковой личности.

При выборе ЯЛ для изучения учитывались уровень речевой культуры и владение широким спектром культурных знаний. Образованность Абатунова в области истории заметно, например, по упоминаниям исторических деятелей (Жан Кальвин, Луи Бонапарт, Дистервег и др.) и философов (Кьеркегор, Фромм).

От Листомирова Абатунова отличает большое количество отсылок к современным реалиям: имена музыкальных исполнителей (Земфира, Меладзе, Том Йорк) и названия музыкальных групп («Сплин», «Ария», «Скорпионс»),

названия социальных сетей и мессенджеров (ВКонтакте, Телеграм, Твиттер), торговых марок (Apple, Maybelline, Макдональдс), упоминание основных документов гражданина РФ (паспорт, полис, ИНН) и др. (хотя и у Листомирова встречаются темы и атрибуты нынешних реалий: «До выхода на пенсию дожить / Становится сложнее и сложнее», «И из кармана хочется достать / Восьмой айфон, чтоб сделать фото улиц», но гораздо реже).

Прецедентные единицы (ПЕ), выявленные в стихах Абатурова, позволяют использовать тот же подход к их группированию. ПЕ рассмотрены по группам русской и зарубежной литератур. Часто прецедентные имена у Абатурова перечисляются как список чтения лирического героя. Об особенностях использования им ПТ поговорим в параграфе 2.3.

Все стихотворения и другие записи Листомирова и Абатурова цитируются по данным указанных выше авторских сообществ в социальной сети ВКонтакте. У поэтов имеются профили на литературном портале Стихи.ру [Листомиров, 2018; Джек Абатуров, 2019], но выбранные поэты не выкладывают стихи на данный ресурс с 2018 и 2019 г. соответственно. На этом сайте у произведений есть заголовки, ВКонтакте авторы их не указывают. Полагаем, это связано со спецификой сайтов: на Стихи.ру пользователь, зашедший на страницу поэта, видит лишь названия стихотворений. В ВКонтакте же сразу видно часть текста (первые четыре-пять строк) или текст полностью (если он небольшой по объему). Учитывая то, что выбранные нами поэты не указывают заголовки там, где это не предусмотрено сайтом, для соблюдения единообразия стихотворения в последующих параграфах цитируются по одному источнику с названием по первой строке.

Вообще, статус «поэт» в сетевой литературе является предметом дискуссий [Ракитина, 2008с]. Многие авторы стараются избегать такого самоназвания, во многом из-за мифологизированного образа поэта, его особого статуса и таких устойчивых представлений, как «поэт-пророк», «поэт - выразитель эпохи», «история народа принадлежит поэту», «поэт в России

больше, чем поэт» [Там же: 150]. Листомиров прямо не идентифицирует себя как поэта. В разделе «информация» авторского сообщества указано: «мне просто нравится писать стихи». Но читатели однозначно признают за ним этот статус, достаточно посмотреть на многочисленные комментарии: «о, мой любимый поэт разошёлся», «это мечта найти однажды на книжной полке сборник со стихами этого поэта», «Вы лучший поэт!» «новый стих от любимого поэта» и др.

У Абатурова же в строке информации написано: «Поэт». Автор неоднократно рефлексировал на эту тему. В стихотворении 2013 г. читаем: «Ты обращаешься презрительно «поэт!»... / я – человек, / рыдающий стихами, / что как и все – борщи ест на обед / и хлопает на лекциях ушами», заканчивается оно измененным выражением Маяковского: «Но я – поэт. И этим интересен» (ср. «Я — поэт. Этим и интересен»). В 2015 г. было написано следующее: «Ты – рифмоплёт. Такой растрепанный и печальный. И не поэт [это разве стих?]. Ты согреваешься тёплым чаем, чтоб рифмой после согреть других» (ощутима направленность поэзии Абатурова на читателей, см., например, «Я пишу по ночам стихи, а потом предлагаю вам», кроме того, периодически автор повторно публикует некоторые стихи для новой аудитории, на такие примеры укажем в практической главе). Вне зависимости от самоименования заметно, что слово «поэт» обладает повышенной значимостью для языковой личности Абатурова, и сам он видит в этом статусе особое призвание. Мы будем использовать указанную номинацию для обоих авторов, т.к., во-первых, считаем правомерным называть их поэтами, во-вторых, преследуем цель сохранения единства терминологического поля.

Далее для более полного понимания языковых личностей исследуемых поэтов скажем об их саморепрезентации в текстах. Листомиров, как правило, в повествовании от первого лица использует такие формы глаголов, в которых нельзя выделить категорию рода («я стою», «мне хотелось», «я теперь не вернусь» и т.д.), часто стихи построены так, что авторское «я» выделить очень

сложно. Если глаголы с категорией рода используются, род всегда мужской («я задумал», «я прочувствовал», «я твердил» и т.д.).

Абатуров пишет как от мужского, так и от женского лица, в обоих случаях это могут быть стихи о любви. Встречаются исповедальные стихи, где фигурирует имя Джек: «Люблю. / Твой навечно – / Джек», «Мое первое имя – Джек. Я закончил обычный вуз...» В марте 2021 г. поэт разместил следующий пост: «Часто возвращаюсь к мысли о том, что под нынешним псевдонимом мне неуютно <...> приятнее было бы видеть, что текст написала Саша Кириллова, а не Джек Абатуров». Так, автор отходит от саморепрезентации через псевдоним.

Говоря в целом о ситуации с исследованием ЯЛ сетевых поэтов, укажем на то, что выходят тематические статьи, посвященные конкретным авторам: Стефания Данилова [Шумкина, 2017], Вера Полозкова [Ермакова, Павлова, 2019], Константин Потапов [Ефимова, 2020]. Более того, появляются объемные работы в виде монографий и диссертаций: [Минец, 2018; Горушкина, 2019].

Схожей с нашим исследованием по специфике является статья «Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки в современной сетевой поэзии» [Елистратова, Минец, 2013], где авторы, указывая на повышенную концентрацию прецедентных единиц в современной сетевой поэзии, анализируют прецедентные имена в текстах Веры Полозковой, Али Кудряшевой, Линор Горалик. В работе наглядно показана роль прецедентных имен (ПИ) в поэзии сетевых авторов.

Важной с перспективы данной ВКР является заявка на создание электронного словаря прецедентных онимов сетевой поэзии. Для начала авторы идеи указали на проблему лакунарности в ономастиконе современного носителя языка в связи с вопросом культурной грамотности [Елистратова, Минец, Грудева, 2014]. Для выяснения культурного уровня выпускников

школ был проведен лингвистический эксперимент, в ходе которого одиннадцатиклассникам было предложено дать определение двадцати четырем прецедентным онимам, включенным в контекст сетевой поэзии (тексты Полозковой, Кудряшевой, Горалик). Результаты показали наличие пробелов в знаниях прецедентных имен, являющихся классическими в литературе и музыке. В связи с существующей лакуарностью в тезаурусе молодых носителей культуры было предложено использовать сетевую поэзию как насыщенную прецедентами и популярную в молодежной среде основу для создания «общедоступной электронной базы прецедентных имен, сопровождаемых развернутыми комментариями» [Там же: 128].

Схожий эксперимент позже был проведен на материале текстов сетевого автора Али Кудряшевой [Горушкина, 2015]. Учащимся были предложены тридцать текстов, имена собственные в которых соотносятся с различными культурными сферами (искусство, наука, религия). Предложенные онимы составляют шесть тематических групп: «музыканты (классики и современники), авторы художественных произведений, герои художественных произведений, ученые, культурно-исторические центры, библейские персонажи» [Там же: 13]. В этом более убедительном, на наш взгляд, эксперименте так же были замечены лакуны в связи с непониманием носителями языка некоторых онимов. Преодолеть эту лакуарность предлагается путем разработки электронного словаря прецедентных онимов на материале современной сетевой поэзии.

Подробнее о таком электронном словаре как об инструменте повышения культурной грамотности в статье: [Грудева, Минец, Горушкина, 2014]. Аргументируя выбор сетевой поэзии в качестве материала для словаря (конкретно названы имена семи поэтов [Там же]), авторы называют сетевую поэзию проекцией картины эпохи, также указывается на отсутствие временной и психологической дистанции с молодой аудиторией, на популярность СП среди молодежи и на доступность текстов благодаря

сетевому формату [Там же] (те же аргументы приводит К.А. Елистратова в своей диссертации, посвященной ономастикону поэтессы Вере Полозковой [Елистратова, 2015]). Словарная статья состоит из следующих частей: прецедентный оним – тип онима (антропоним, фиктоним, мифоним и т.д.) – энциклопедическая справка (сведения о носителе имени) – иллюстративный материал (отрывок из сетевого поэтического текста) – дополнительная информация (визуальные и аудиоматериалы). Образцы словарных статей представлены на примере употребления таких прецедентных онимов в поэзии Али Кудряшевой как Вильгельм и Якоб Гримм, Ахиллес, Иоганн Себастьян Бах, Каин, Кай [Грудева, Минец, Горушкина, 2014]. Как видим, набор имен, даже отобранных в качестве примеров, довольно разнообразен. Такой словарь был бы полезен не только с точки зрения обучения школьников и восполнения культурных лакун, но и с позиций изучения индивидуального ономастикона того или иного сетевого поэта.

Широкий охват культурных знаний, продемонстрированный Владимиром Листомировым и Джеком Абатуровым, позволяет изучать особенности употребления ими прецедентных единиц, что показано в следующих параграфах.

2.2. Прецедентные тексты в структуре языковой личности

Владимира Листомирова

2.2.1. Прецедентные тексты русской литературы

Осмысление Листомировым русской литературы происходит в первую очередь через прецедентные имена авторов. Как правило, это поэты с трагической судьбой.

Первый из таких упоминаемых авторов – Иосиф Бродский: *«В портфеле книжка – Иосиф Бродский, две старых карты /там твой маршрут/. Сегодня*

– Вена, а завтра – Бостон; автобус, поезд и самолёт» («Вагон плацкартный и полка сверху...»).

Конкретная книга Бродского не называется, важно само прецедентное имя автора. Можно найти соответствие тематики путешествия широкому географическому охвату передвижений упоминаемого поэта. Бродский сам был в Вене и Бостоне, книга становится метонимическим продолжением автора. Можно сказать, что здесь имплицитно накладывается еще один способ введения прецедентного текста – через заглавие. По словам «*книжка – Иосиф Бродский*», без уточнений, читатель понимает, что скорее всего на обложке будет слово «Стихотворения».

Сверхличностный характер имени Бродского тесно связан в сознании читателей с темой преследования поэта, которая также получают воплощение в творчестве Листомирова. О репрессиях и обысках советского поэта читаем в стихотворении «стучали в двери, светили в лица»:

*«мне было нужно бежать из Риги,
но власть отрезала все пути <...>.*

*летели на пол стихи в тетрадках,
окурки тлели в цветочных кадках,
и кто-то бледный шепнул украдкой
о том, что худшее – впереди.*

*в шкафах, за шторой и под кроватью,
в карманах куртки, в подкладке платья
им было странно искать, искать и...
и почему-то не находить...»*

Здесь представлен собирательный, узнаваемый образ поэта 20в., который обладает общественной значимостью на уровне национальной культуры.

Продолжается тема трагической судьбы поэта с введением имени Сергея Есенина: *«Я прям Есенин – похабный малый, вдобавок, капельку скандалист, когда я выпью – хожу по бабам, когда трезвею – то мил и чист»* («И лучше все-таки здесь не будет...»). Здесь даются прямые характеристики, играющие роль в познавательном и эмоциональном отношениях для исследуемой нами языковой личности, и закрепленное за именем Есенина массовое восприятие.

В финале, сильном месте текста, звучат следующие строки:

*«Но лучше все-таки и не будет, ты нынче - верный тому пример.
Не хочешь, это с тобой обсудим?
Я жду в гостинице “Англетер”».*

Здесь обозначена прецедентная ситуация самоубийства Есенина, о чем сам Листомиров пишет в примечании: «28 декабря 1925 года в номере 5 гостиницы «Англетер» был найден мёртвым поэт Сергей Есенин». Стихотворение опубликовано 28 декабря 2014 г., в день смерти поэта (1931 г.). Интересно, что отсылки к творчеству Есенина здесь отсутствуют, таким образом, на первый план выходит прецедентная ситуация.

Ситуация самоубийства писателя обработана в более позднем стихотворении «Закрой свой рот и просто помолчи...»:

*«А человек из галстука петлю
Немедленно привязывает к люстре .
Заслышав табуретки громкий стук,
Лукавый поворачивает мигом,
И с трупа сняв потрёпанный сюртук,
В кармане обнаруживает книгу <...>.
“...Прости-прощай, дурная голова,
Чья книга вскоре покорит планету!”»*

В записи от 08.09.2020, где Листомиров пишет про свой день рождения, есть послесловие: «P.S. **Борису Рыжему** сегодня могло бы исполниться 46 лет». Этот поэт так же покончил жизнь самоубийством через повешение. Из приведенных примеров видно, что имена авторов известных художественных текстов значимы для Листомирова как содержащие биографическую информацию и связанные с прецедентными ситуациями.

Еще одно упоминание имени поэта в связи с его безвременной кончиной видим в стихотворении «Юность, прощай»:

«Что я успел?

Ничего и немного больше.

Что я оставил?

Чуть меньше, чем бесконечность.

Но не беда.

Я когда-нибудь это брошу,

*И с **Александром** останусь на Чёрной речке».*

Здесь примечательно отсутствие необходимости называть фамилию классика: речь идет об А.С. Пушкине. Черная речка – место дуэли Александра Пушкина с Жоржем Дантесом, и эта стойкая ассоциация позволяет однозначно толковать текст.

Продолжая пушкинскую тему, обратимся к стихотворению «Меня всюду преследует образ нелепый твой». Там поэт уже возникает как автор канонических произведений школьной программы:

«И на ужин прийти отдохнувшим от всех невзгод,

*Вроде школы, где летом пылятся **Толстой** и **Пушкин**».*

Рядом с Пушкиным стоит, очевидно, Л.Н. Толстой, и вместе они образуют пару одних из самых известных русских классиков и знаковых прецедентных имен в литературе.

Далее мы отойдем от поэтической темы и рассмотрим два текста с иными особенностями: во-первых, здесь мы увидим прецедентные имена героев произведений, во-вторых, в рамках одного стихотворения будут упоминаться как русские, так и зарубежные тексты.

«В этой сказке кому-то придётся побыть злодеем...» начинается с введения тем литературы («*Мой создатель сказал, что теперь я – л и т е р а т у р а*») и сказки («*К сожалению, сказка – не место для некрасивых*»), имя из сказки мы и увидим далее: «*И живу я в своей неудавшейся оболочке (что-то среднее между **Страшилой** и **Дон Кихотом**)*». Пока нас интересует имя Страшила из книги А.М. Волкова «Волшебник изумрудного города». Его образ становится лейтмотивом стихотворения, лирический герой обрывает свойственными ему чертами, такими как искусственность: «*неудавшийся образ, пародию человека*», «*он в мгновение ока мне вырезал нос и веки, а в колени и локти для дела пихнул шарниры, вместо тела использовав ржавую арматуру*», «*мне в глаза были вставлены два "алмаза"*», отсутствие интеллекта: «*придётся примерить роль идиота*», некрасивость: «*возможность не выглядеть так убого*». Здесь прецедентное имя становится определяющим для содержания текста, его основой.

Здесь же читаем: «*А потом в моей жизни встречается **Элоиза***» (далее – «*Элли*» и «*Эл*»). В названной книге «Волшебник изумрудного города» девочка Элли встретила Страшилу. Но ни разу в оригинальном тексте она не названа иначе как Элли. История любви и расставания наводит нас на еще один прецедентный текст «Юлия, или новая Элоиза» Ж.Ж. Руссо, который в свою очередь отсылает к средневековой истории любви Элоизы и Пьера Абеляра. Так, за одним образом в стихотворении стоят сразу три прецедентных имени, что усиливает его эмоциональный эффект.

Взаимодействие русской и европейской культур видим и в стихотворении «Мне хотелось, как лучше, но вышло по факту плохо...». В один ряд с реальными именами известных творцов и их возлюбленных (Данте

и Беатриче, Магритт и Жоржетта Бергер (в примечании), Элюар и Гала, Шагал и Белла Розенфельд) становятся Мастер и Маргарита, герои одноименного романа М.А. Булгакова:

*«Что положено **Мастеру**, если же **Маргарита**
В завершение романа под Лысой горой зарыта?»*

В авторском комментарии читаем, что «Свела их “сама судьба, и созданы они друг для друга навек”. В образе Маргариты Булгаков воплотил свою жену Елену». Снова мы видим характерное для ЯЛ Листомирова использование прецедентного имени автора вместе с фактами его биографии. Создаются прецедентные пары имя персонажа – имя автора: Мастер и Маргарита, Булгаков и Елена. Истории любви остальных вышеперечисленных персоналий также раскрыты в примечании.

Анализ показал, что наибольшую значимость для ЯЛ Листомирова из поля русской литературы представляют прецедентные имена. Большое внимание уделяется именам авторов с тематическим комплексом, следующим из их биографий. Когда речь идет о прецедентных именах персонажей, упоминания выходят за рамки национальной литературы и переплетаются с зарубежными прецедентными феноменами, о которых поговорим далее.

2.2.2. Прецедентные тексты зарубежной литературы

Прецедентные тексты зарубежной литературы встречаются уже в первом опубликованном в авторском сообществе Листомирова стихотворении от 26 ноября 2014 г. «Здравствуйте, мне семнадцать, нет, я не сумасшедший...». В самом начале вводится прецедентное имя автора: *«Здравствуйте, мне семнадцать, нет, я не сумасшедший, **Бредбери Рэя** книга, видимо, наврала, здравствуйте, мне семнадцать, и я смотрю на вещи, словно они сгорели и вместо них – зола».*

И здесь же мы видим случай имплицитного прецедентного введения: помимо имени автора присутствуют введение через цитату и заглавие. Представленная цитата переосмыслена, оригинальный текст из книги «451 градус по Фаренгейту» звучит следующим образом: «Ну так вот, – начала Кларисса, – мне семнадцать лет, и я сумасшедшая. Мой дядя уверяет, что и то и другое неразрывно связано. И еще он говорит: если тебя спросят, сколько тебе лет, то всегда отвечай, что тебе семнадцать и ты сумасшедшая» [Брэдбери, 2019: 3]. На данное произведение указывает и строка про сгоревшие вещи и золу: по сюжету в мире, где происходят события, сжигали книги. Таким образом, «*Бредбери Рэя книга*» – это перифраз заглавия «451 градус по Фаренгейту», что становится ясно из контекста.

Далее в этом же стихотворении видим интересный случай введения имени автора через отрицание: «*я не учу Шопена и не читаю Ницше*». Это отвечает строению стихотворения, которое построено на негации. Схожий случай видим в стихотворении «Ненавижу себя настолько, что мне в пору скрипеть зубами...»: «*ненавижу читать Буковски, хоть другие твердят: “Он классный”*». В этих примерах на первый план выходит свойство значимости для широкого круга лиц, сверхличностный характер, а не значимость для конкретной языковой личности.

Обращение к Рэю Брэдбери возобновляется в тексте «Голосуешь на автотрассе, мимо мчатся фургоны хиппи...»: «*Мой попутчик - рюкзак, толстовка, книги Брэдбери, чай и небо...*». Схожим образом прецедентное имя уже появлялось в ранее опубликованном в этом же месяце (декабрь 2014 г.) стихотворении «Вагон плацкартный и полка сверху...», где содержится рассмотренный случай встраивания имени русского поэта: «*В портфеле книжка – Иосиф Бродский*». Повторяется и контекст путешествия, и упоминание книги как предмета, что говорит о значимости данного смыслового комплекса для ЯЛ Листомирова в тот период.

Кроме имени Брэдбери в тексте присутствуют трансформированное введение через заглавие: «*Автостопом, и вдоль галактик*» и введение через имя автора: «*представляя, как ставлю чайник и читаю роман Жюль Верна*». Вписываясь в смысловое целое стихотворения, посвященного путешествию по космосу, упоминания романа Адамса Дугласа «Автостопом по галактике» и одного из приключенческих романов Жюль Верна эмоционально и содержательно насыщают текст.

Далее посмотрим на два текста, написанных в одном месяце (апрель 2015 г.) с небольшим перерывом, где по-разному вводится измененная цитата из повести-сказки «Маленький принц»: «*мы все за всё в ответе: лови и приручай*» («мы – солнечные блики, мы – брызги на воде...»), «*Никого не приручаю, чтоб не быть потом в ответе*» (с одноименным названием). Слова «...ты навсегда в ответе за всех, кого приручил» [Сент-Экзюпери, 2011: 78] стали общеизвестным феноменом и почвой для переосмыслений, в том числе и для рассматриваемой нами ЯЛ.

Противоположная смысловая наполненность строк из поэзии Листомирова обусловлена разным лирическим «я» в текстах. И если в первом случае прецедентная цитата дополняет общее содержание, во втором она является смыслообразующим элементом и, прозвучав в самом начале, продолжает звучать по ходу развертывания повествования: «*тихо шепчешь: “Будет время – самого тебя приручат”*», «*И отныне я бессильный. Прирученный, словно ветер*», «*Ты вздыхаешь: “Хватит дыма. Я же за тебя в ответе”*». Возобновляемое обращение к прецедентному тексту, его осмысление с разных позиций в течение небольшого временного отрезка свидетельствует о значимости данной цитаты для Листомирова в познавательном и эмоциональном отношениях.

Следующее обращение к зарубежной литературе связано с именем персонажа:

*«Гнев моря цвета
Червивых вишен
В меня вонзался
Клинком Лаэрта»*

(«И волны были...»).

Лаэрт – персонаж трагедии У. Шекспира «Гамлет». Отличить его от персонажа греческой мифологии с соответствующим именем помогает характерный знак – клинок. По сюжету «Гамлета», Лаэрт из чувства мести смазал конец своей шпаги смертельным ядом перед поединком с принцем. Как и в трагедии, герой стихотворения не выжил после удара отравленным клинком. Здесь прецедентное имя персонажа усиливает экспрессию текста.

В новой позиции видим прецедентный текст в стихотворении «Куда исчезают утки, когда замерзает пруд?». Здесь он появляется в качестве эпиграфа: *«Куда деваются утки в Центральном парке, когда пруд замерзает? (с) Дж. Д. Сэлинджер»*. По В.А. Лукину, эпиграф является сильной позицией. А эпиграф и заглавие «представляют собой явные авторские знаки, указывающие получателю путь интерпретации текста» [Лукин, 1999]. Заглавия в публикации не обозначено, поэтому стихотворение традиционно называется по первой строке. В этом случае начало почти полностью повторяет эпиграф, что еще больше усиливает значимость цитаты, а вместе с ней – имени автора.

Замерзание становится тематической доминантой стихотворения, повторяясь в середине («Мне холодно в этом теле. Мне нравится замерзать») и в финале («Куда исчезает солнце, когда замерзаю я?»). Говорят о соотношении эпиграфа «с последующим текстом как целым» и о весомой значимости его повтора в тексте [Там же]. Как показано, наличие прецедентного феномена в сильной позиции интенсифицирует его влияние на текст.

Смену жанровой обращенности наблюдаем в переосмыслении сюжета сказки:

*«Кости поблёкшие, кости иссохшие
Горками сложены в спальне у милого.
Спите, **принцесса, на мелких горошинах,**
Жаль, что они вам покажутся иглами,
Ведь эта ночь несомненно последняя.
Спите, покуда не сделалось солнечно!
Скоро ваш милый престол унаследует,
А через месяц сбежит вместе с горничной»*

(«Кости поблёкшие, кости иссохшие...»).

Сказка Г.Х. Андерсена «Принцесса на горошине» послужила у Листомирова поводом для интерпретации. Счастливая концовка оригинального произведения трансформируется в трагический финал в мрачных тонах.

Эта практика получает продолжение в рассмотренном нами стихотворении «В этой сказке кому-то придётся побыть злодеем...», где герой, проявленный через прецедентное имя персонажа Страшила, потеряв подругу Элли, решает на мечь:

*«Я теряю дням счёт – за неделей идёт неделя. Мой единственный спутник –
гнетущее чувство боли.*

*В этой сказке кому-то приходится быть злодеем.
Я уверен, что справлюсь с такой пустяковой ролью».*

Здесь же появляются упоминания, связанные с зарубежной литературой: проанализированное в предыдущем параграфе имя Элоиза и псевдоним Дон Кихот: «*И живу я в своей неудавшейся оболочке (что-то среднее между Страшилой и **Дон Кихотом**)*». Прецедентное имя здесь

использовано в изобразительной функции, чтобы вызвать визуальный образ несуразного, нескладного героя.

С темами сна и ужаса, появившимися с «Принцессой на горошине», связано стихотворение «эта болезнь так надуманна и смешна...». Герой там тоже погружается в состояние сна, он находится в мире, где

*«каждый желает
кошмары приобрести,
страшные сны – тридцать лет, как легальный допинг».*

Здесь появляется прецедентное имя, связанное с драматургией:

*«то, что теперь ты боишься закрыть глаза,
это проблема для дяденьки психиатра.
не забывай,
мистер Генриксон заказал
пару кошмаров по пьесам **Жан-Поля Сартра**».*

Имя Сартра, философа, писателя, эссеиста ассоциируется с французской экзистенциальной философией. Действие одной из его пьес, «За закрытыми дверями» («За запертой дверью», «Взаперти», «Нет выхода»), происходит в своеобразном аду. Данное упоминание развивает гнетущую атмосферу повествования.

Написанное в этом же году «чувство вины заглушается лишь вином...» тоже включает обращение перед сном к непростому для восприятия произведению «Психо», но на этот раз в окружении других разнообразных прецедентных текстов:

*«...ровно год я решаю сам,
что тебе на ночь хотелось бы почитать.
Может быть, Диккенса? или роман Дюма?
есть ещё “Психо” и “Кошкина колыбель”».*

Начинается ряд с имени Чарльза Диккенса, чье творчество, как правило, характеризуется оптимистическими финалами и добрым юмором. Здесь же упоминается Александр Дюма (предполагаем, что имеется в виду более знаменитый Дюма-отец), написавший множество приключенческих и исторических романов. Во второй строке называется «Психо» («Психоз», «Психопат») – роман Роберта Блоха в жанре психологический триллер и «Кошкина колыбель» («Колыбель для кошки») – фантастический роман Курта Воннегута о конце всего живого.

Можно противопоставить прецедентные пары Диккенс – Дюма и «Психо» – «Кошкина колыбель» по нескольким основаниям разграничения: 1) имя автора – заглавие; 2) счастливое окончание произведений – трагический финал; 3) литература 19в. – литература 20в. На противопоставление указывает и организация текста: расположение на разных строках и разделение «есть еще». При этом, ни одна из прецедентных единиц или пар не выделяется.

В следующем стихотворении представлен случай взаимодействия прецедентного заглавия со всем текстом:

*«Печальный край, мой милый отчий дом!
<...> Мне будет не хватать твоей любви,
Лугов с люцерной, пижмой и ромашкой
И города с открытым нараспашку
Нутром из одуванчиковых вин»*

(«Печальный край, сиреневый закат...»).

Видоизмененная единица – заголовок повести «Вино из одуванчиков», написанной, как было показано выше, значимым для ЯЛ Листомирова писателем Рэем Брэдбери. Особенность повести в том, что это автобиографическая книга. Прототипом города, в котором происходит действие, является родной город автора, а прототипом главного героя, Дугласа

Сполдинга, стал сам Брэдбери. Эту же тему родного дома видим в стихотворении:

*«Прости меня, родительский приют!
Пришла пора навек тебя покинуть».*

Примечательно, что события произведения-предшественника совершаются летом и в центре повествования находится двенадцатилетний ребенок. В стихотворении же происходит смена сезона:

*«Убежище сентябрьского тумана,
Медовых яблок, спрятанных в карманах,
И выкормленных сыростью садов!»*

И главный герой стал старше и покидает родные места. Так, встроенный прецедентный заголовок способен дать целую предысторию герою стихотворения.

Причиной появления публикации «лис роет землю», вероятно, послужил роман Джеймса Джойса «Улисс»:

*«лис роет землю.
красен остролист.
переходящи образы и мысли.
на небеса собравшийся Улисс
взлетает над разрушившимся мысом».*

Переносятся на поэтическую почву образы из книги, где находим следующие строчки: «Это лис хоронит свою бабушку под остролистом» [Джойс, 2014: 23], «Бедная душа улетела на небеса – и на вересковой пустоши, под мерцающими звездами, лис, горящие беспощадные глаза, рыжим и хищным духом разит от шкуры, рыл землю, вслушивался, откидывал землю, вслушивался и рыл, рыл» [Там же: 24]. Это включение способствует созданию изобразительности.

Прецедентный текст может функционировать и в качестве хронологической точки: «Тяжесть неба висит здесь ещё со времён **Овидия**» («Если будешь стрелять, то, пожалуйста, целясь в голову...»). Овидий – древнеримский поэт, живший на рубеже нашей эры. Здесь его имя становится точкой отсчета новых тысячелетий.

Поэтическая обработка прецедентного текста может не содержать имен или названий, но оригинал все же будет опознаваться. Так происходит со стихотворением «Пой, сирена, покуда можешь...», где Листомиров воспроизводит сюжет еще одной сказки Г.Х. Андерсена «Русалочка»:

*«...О, к чему тебе голос сладкий?
Лучше шёпот волны прибрежной!
Ведь у берега принц украдкой
Не тебя поцелует нежно.*

*<...> Только ведьма исправит дело
И от рыбьей избавит кожи.
Где на днях чешуя блестела,
Нынче – пара шикарных ножсек!*

*<...> Мир меняется постепенно.
Принц красоткам в любви клянётся.
Исчезая, морская пена,
Словно слезы, блестит на солнце».*

Несомненна эмоциональная значимость данного текста для рассматриваемой нами творческой ЯЛ.

Следующий текст обращен к парижским географическим реалиям, и потому содержит прецедентное имя из произведения французского писателя:

*«Ищу Двор Чудес по следам Гренгуара,
Жаль, память Париж превращает в обломки»*

(«Давайте сыграем, мой бедный маэстро!»).

Как сам Листомиров указал в примечании, «Пьер Гренгуар – персонаж романа Виктора Гюго “Собор Парижской Богоматери”, поэт, философ и драматург». Имя из литературного текста про главный храм Парижа встраивается в цепь ассоциаций с городом: Двор чудес (кварталы нищих и бродяг в средневековье), «*ici l'on danse, ah ça ira, ah ça ira!*» (эпиграф, табличка на Бастилии с надписью «Здесь танцуют и всё будет хорошо»), «*Искать Монпарнасами вас и Монмартрами*» (Монпарнас, Монмартр – районы Парижа), «*Маэстро, вы мне заменили Бастилию!*» (Бастилия – знаменитая крепость, бывшая тюрьма), «*Пылай, Нотр-Дам, лейся, солнце закатное*» (Нотр-Дам – Собор Парижской Богоматери), «*Пусть Сена несёт свои воды, как данное*» (Сена – река во Франции), «*Ведь вас привлекал Пер-Лашез, мой маэстро*» (Пер-Лашез – парижское кладбище). Так, имя литературного персонажа становится таким же значимым для повествования, как реальные объекты.

К последнему стихотворению, которое рассмотрим в данном разделе, мы уже обращались в связи использованием имен двух возлюбленных из произведения русской литературы. Следующие имена широко известны в мировой культуре:

«*Что положено Данте, убившему Беатриче?*

Танцевать в пустоте, окружённому шантрапой?»

(«Мне хотелось, как лучше, но вышло по факту плохо...»)

Беатриче Портинари, возлюбленная Данте Алигьери, стала вдохновителем самых значительных его произведений: сборника «Новая жизнь», поэмы «Божественная комедия». Как указывает Листомиров в примечании, «со дня ее смерти все творчество Данте было посвящено Беатриче». Более того, возлюбленная итальянского поэта стала героиней его произведений вместе с ним. В случае с Данте происходит совмещение двух видов прецедентных

имен: автора и персонажа. Два обозначенных имени открывают в стихотворении ряд имен, за которыми стоят известные культуре истории любви.

Завершая параграф, отметим несколько характерных особенностей. Прецедентных текстов из зарубежной литературы у Листомирова встречается значительно больше. Их включение в поэзию отличается разнообразием: помимо прямой вставки в текст, автор использует трансформацию цитат и названий. Типична концентрированность вставок прецедентных единиц. В одном стихотворении зачастую встречается несколько упоминаний, или в стихах, написанных за короткий временной отрезок, звучит обращение к одному тексту. Выделим писателя Рэя Брэдбери как имеющего особое влияние на ЯЛ Листомирова автора по частоте упоминаний и их значимости для текста в целом.

2.2.3. Мифологические прецедентные тексты

Данный блок прецедентных текстов, на наш взгляд, наиболее продуктивно будет разобрать по небольшим тематическим подгруппам происхождения мифов. В поэтическом творчестве рассматриваемой нами ЯЛ их выделилось четыре: славянские, античные, скандинавские мифы и мифы европейского средневековья.

Обозначим, что в этом разделе не будем так строго, как в предыдущих параграфах, следовать способам введения, обозначенным Ю.Н. Карауловым, через заглавие, цитату, имя персонажа или автора (см. 1.2.). Это обусловлено тем, что при разборе мифологических текстов категории имени автора и заглавия нивелируются. Зато мы обратим внимание, например, на прецедентные места и ситуации.

Славянская подгруппа начинается следующим упоминанием:

«в пустых глазах беснуется заря, которая старается наполнить туманный взгляд и вылиться слезой, невидимой в объятиях Мораны»

(«в нефритовом молчании лесов...»).

Морана (Марена, Марана, Мара и др.) – богиня, преимущественно известная западнославянской традиции и связанная с «воплощениями смерти <...>, с сезонными ритуалами умирания и воскресения природы, <...> вызывания дождя; в весенних обрядах Морана – «соломенное чучело – воплощение смерти (мора) и зимы...» [Иванов, Топоров, 1990: 338]. Можем видеть возможность воплощения в стихотворении всех значений, переданных через прецедентное имя персонажа. Морана – воплощение смерти, и по сюжету, герои умирают в автокатастрофе:

«...расплывчатый серебряный капот, мельчайшие осколки лобового, два тела, окруженные толпой, витающая в воздухе тревога...»

И с этой же богиней связано воскресение: *«хоть кто-нибудь, скажите, почему мы воскресаем в свете Водолея?»* Еще одна связь Мораны – с вызыванием дождя, потому что во время дождя слеза может стать *«невидимой»*. И, наконец, физическое воплощение персонажа в фольклорной традиции – чучело, тогда происходит актуализация понятия «объятия» в прямом значении. На первом же примере видим, что комплекс значений, связанный с мифологией, может быть достаточно многообразен.

В славянском фольклоре довольно распространены предания о колдовстве. Значимое в этом плане место – Лысая гора. Там «ведьмы и другая нечистая сила якобы собираются на гулянье» [Кононенко, 2013]. *«Вступает тьма в свои права — клубится у ворот, крестьянин прячется в подвал, жену с собой зовёт. Священник в ночь идёт домой, в руке сжимая крест. Вдруг дым над Лысою горой взмывает до небес»,* – так описывается начало разгула сверхъестественных сил в стихотворении «Фонарь последний догорел, закончилась свеча». Гора названа *«ведьмовской»*, нередко она соотносится с

реальными географическими объектами, например, с горой на правом берегу Днепра в Киеве [Там же]. Прецедентное место вводит тему ведьмовского шабаша.

Еще одно упоминание горы мы видели в «Мне хотелось, как лучше, но вышло по факту плохо...»:

*«Что положено Мастеру, если же Маргарита
В завершенье романа под Лысой горой зарыта?»*

Это упоминание имеет в контексте романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» двойной смысл. По сюжету, Маргарита стала ведьмой и была на гулянии нечистых сил, где Лысая гора может быть местом сборища ведьм. Но в книге шабаш происходил на Воробьевых горах в Москве, а Лысой Горой названа Голгофа в т. н. «Ершалаимских главах». В ЯЛ Листомирова, очевидно, усвоены и фольклорные, и авторские смыслы, приписываемые Лысой горе.

Другое используемое Листомировым имя из славянской мифологии принадлежит райской птице: «*О, птица Сирина, мой печальный вестник!*» («Все тяжелее честным быть с собою»). Сирин традиционно изображается с головой женщины и телом птицы. Она «зачаровывает людей пением, которое разгоняет печаль и тоску», но тот, кто послушал ее голос, забывается, и «обрекается на беды и несчастья» или смерть, а перестать слушать голос Сирина невозможно [Адамчик, 2008: 531]. В стихотворении она названа «удивительной птицей», «посланником горя», «Сирин скорбной», которая поет «горькие баллады». О невозможности прекратить слушать печальную песню сказано:

*«Но кто бы знал, что жизнь без Сирина скорбной
Казаться будет тянущимся дёгтем?
Пускай же на запястьях, словно скобы,
Блестят её заточенные когти.
Все лишь о ней, об ангеле тревожном,*

*Чей облик меланхолией дурманит.
Мой голос, как клинок, забытый в ножнах,
Ржавеет без её упоминаний».*

Здесь носитель прецедентного имени становится центральным образом. Реализуется мифологический сюжет о зачаровывании человека птицей Сирин. В финале звучит страх и невозможность отказаться от губительного влияния птичьего пения:

*«Мечтаю, но мучительно боюсь я
Когда-нибудь дожить до смерти птичьей!»*

Перейдем к античной мифологии как прецедентному тексту. Самое значительное в древнегреческих преданиях место – гора Олимп, которая считается священной обителью богов. Это реальный горный массив, ставший мифологическим символом. У Листомирова читаем: *«А те, кто ползал, вздумают лететь, из глубины поднявшись до **Олимпа**. И молний ослепительная сеть разрежет небо эллипсами нимбов»* («Мир съежился в квадрат квартирных стен...»). Олимп в культурном смысле – божественная высота. Это упоминание усиливает антитезу *«из глубины поднявшись»* до высот. Главным на Олимпе считается Зевс, бог грома и молний, оттого в следующей строке возникает *«молний ослепительная сеть»*.

Другое стихотворение с упоминанием этой горы целиком соотносится с прецедентным текстом – мифом о Прометее. По легенде, Прометей похитил из горна Гефеста божественный огонь для людей, «Он научил людей искусствам, дал им знания, <...> открыл им силу лекарств, <...> научил их всему тому, что облегчает горести жизни и делает ее счастливее и радостнее. Этим и прогневал он Зевса, за это и покарал его громовежец» [Кун, 2006: 118]. По приказу Зевса, Прометей был прикован Гефестом к скале. После веков мучений был освобожден Гераклом. В первой части

стихотворения «В обезличенном небе рождается лунный серп...»
повествование ведется от лица Прометея:

*«Грозной грудой камней под ногами **Олим** застыл.*

И не ведают Боги, нектара напившись всласть:

Я пришёл в их чертоги

Осколки огня украсть.

Мимо выпившей стражи жар факела пронесу.

***Зевс**, заметив пропажу, решится на самосуд,*

*И **Гефест** закуёт мое тело во твердь скалы,*

Где орлиный полёт

Заменяет полёт стрелы».

Дарование людям огня осмысляется Прометеем как лирическим героем и становится причиной его тревог:

«Может, пламя свечей хоть кого-то собой спасёт?!

А иначе зачем получается это всё?»

И во второй части, уже от лица автора, подводятся итог поступкам, страданиям и думам Прометея:

«Был ли смысл бороться, когда от всего устал?

Заходящее солнце целует его уста.

Может там, за плечами, остались одни рабы? .

***Прометей** отвечает,*

Что смысл, конечно, был».

Так, прецедентный текст античности осмыляется нашим современником, продолжающим эту большую традицию. Заметим, что имя Прометея появлялось в публикации, размещенной за год до этого: «как дар **Прометея**, танцует в руках вдохновенное пламя» («от взора Господня нас скроют сегодня

безлунные ночи...»). Уже намечается место данного мифа в структуре ЯЛ Листомирова.

Источник указанного последним стихотворения – еще один прецедентный текст, история о Пигмалионе и Галатее. Как излагает Н.А. Кун по поэме Овидия «Метаморфозы», однажды художник Пигмалион создал статую девушки необычайной красоты. «Целыми часами любовался художник своим произведением и полюбил, наконец, созданную им самим статую» [Кун, 2006: 71]. Пигмалион принес жертву богине любви и попросил жену столь же прекрасную, как его статуя. Афродита оживила статую, даровав художнику прекрасную жену.

Листомиров перерабатывает миф, его художник желает уничтожить свое ожившее творение: *«и в горле клоочет: “замри, Галатея, умри Галатея!”», «прости, Галатея! умри, Галатея! ведь мы никогда не останемся нами. в камине, обглоданном цветом карминным, хохочет, как черт, оловянный солдатик...»*. В мифологический в целом текст включена ПЕ из зарубежной литературы, герой сказки Г.Х. Андерсена «Стойкий оловянный солдатик». И в этом небольшом упоминании Листомиров меняет изначальный образ влюбленной игрушки, расплавившейся в оловянное сердце, его солдатик приобретает демонические черты: *«хохочет, как черт»*.

Галатея показана как нечеловеческое существо, и ее невозможно уничтожить: *«она восстаёт, словно мраморный голем, пылающий Феникс, бессмертная птица...»* (здесь Галатея сравнивается с двумя персонажами различных мифологий. Голем – персонаж еврейских фольклорных преданий, «оживляемый магическими средствами глиняный великан» [Аверинцев, 1990]. Феникс (другое имя – Фойник) – волшебная птица из греческой мифологии, сгорающая и вновь рождающаяся из пепла [Тахо-Годи, 1990], т.е. оба имени связаны с бессмертием, первое дает акцент на неживой материи, второе – на устойчивости к огню). Галатея вселяет ужас в героя. Причина – в строфически выделенном финале:

*«ведь снова и снова моя **Галатея***

из огненных рук

невредимой выходит».

На мифологической почве Листомировым осмысляется тема судьбы творца и его творения. Текст не соотносится с временными рамками, герой выходит за пределы античной легенды: *«трясётся рука с пистолетом на взводе»*. Этот миф, несомненно, важен для рассматриваемой нами поэтической ЯЛ.

Возвращаясь к именам божеств, рассмотрим текст, где упоминаются Гелиос, бог солнца, и Фобос, бог страха:

«Я буду забывать твой голос,

И мир покажется тусклей,

*Чем если **Гелиоса Фобос***

Заменит на бесчетность лун...»

(«Я буду стар...»).

Страх, заменяющий солнце, – сильный образ, но забвение голоса возлюбленной для героя Листомирова оказывается печальнее. Названные имена служат усилению выразительности.

Прецедентное название может входить в состав фразеологизма. У Листомирова встречается выражение «кануть в Лету», что означает «Бесследно исчезнуть, быть забытым» [Федоров, 2008: 285]. Лета – река забвения в древнегреческой мифологии.

«Время хочет остановиться

И сомкнуться в тугой браслет.

Если это случится с нами,

*Канут в **Лету** сердца из стали.*

Значит, каждое лето станет

Бесконечным, как в двадцать лет»

(«А кому-то сегодня двадцать...»).

Встречается еще подобное упоминание, но уже с другой эмоциональной окраской: «Сколько важных минут в пустоту, словно в *Лету*, брошено?» («Иногда пустота просыпается чёрной плесенью»). В обоих случаях упоминание мифологической реки сообщает тексту бóльшую экспрессивность, которая в одном случае усиливается вхождением в состав фразеологизма, в другом – страдательным причастием «брошено».

Следующие прецедентные единицы находим в тексте «Под стальным тяжёлым небом...»:

*«Ветер гонит над причалом
тень октябрьских химер».*

Химера – чудовище, опустошающее страну. Изрыгает пламя, имеет туловище «спереди - льва, в середине - козье, сзади - змеи» [Мелетинский, 1990]. Интересно включение этого образа в стихотворение, затрагивающее политическую тему:

«На престол взошёл мессия <...>.

*А в кровавой колыбели
дремлет царская Россия <...>.*

*Он сиял в своём всесильи,
И погаснуть не сумел».*

Химеры предстают монстрами опустошения, чья угроза («тень») висит над страной. Но есть и другое значение. Во фразеологизме «гоняться за химерами» химера – «несбыточная странная мечта, фантазия» [Федоров, 2008: 150]. Одновременно в «октябрьских химерах» можно увидеть и угрозу, и неосуществимые мечты.

Второе упоминание, интересное нам в этом параграфе, – прецедентные имена Ромула и Рема, главных действующих лиц легенды об основании Рима:

*«Мёртв тот Рим, что в страшной ссоре
создавали Рем и Ромул».*

Согласно преданию, новорожденных братьев Рема и Ромула приказали бросить в реку, но их выбросило на берег и они были вскормлены волчицей. Выросшие братья вернули престол своему деду, а тот позволил построить им город на Тибре. В споре о стенах нового города Ромул совершил убийство Рема [Корш, 2001]. Имена создателей Рима включены в повествование для создания контраста с его падением (предполагаем, что имеется в виду падение Западной Римской Империи 476 г.), упадок еще одного значительного города обозначен ниже:

*«Вечным сном Александрия
спит под светом маяка».*

Александрия так же была основана до нашей эры, упомянутый маяк – реально существовавшее разрушенное сооружение, одно из семи чудес света. Историческое переплетается с легендарным. Прецедентные феномены древности в структуре ЯЛ Листомирова используются как культурно-исторический фон рассуждения о России.

Следующие единицы значимы не только в мифологии, но и в психологии. Звучит два прецедентных имени древнегреческих богов смерти и любви: *«И в самых первых числах января мы ощутим спокойствие и смелость: переплетутся **Тáнатос** и **Эрос**, друг другу равновесие дая»* («И выпал снег, и стало хорошо...»). З. Фрейд использовал имя Танатос как обозначение «инстинкта смерти (влечения к смерти, деструкции и агрессии), которому противостоит Эрос (инстинкт сексуальности, жизни и самосохранения)»; в психоанализе борьба Эроса и Танатоса истолковывается как «активное, фундаментальное и определяющее основание жизни и психической деятельности человека» [Овчаренко, 2003: 1017]. Так, греческие боги стали персонифицированным воплощением человеческих инстинктов, на

взаимодействии которых, по мнению, некоторых ученых, основывается жизнь.

Стихотворение написано в январе 2021 г., и в нем осмысляются события прошедшего года: *«исчезли войны, страхи и болезни, и масочный режим стал бесполезен, и страшный год немедленно прошёл»*. Подчеркивается равновесие двух противоположных начал, Танатоса и Эроса, с положительным исходом:

«Раз мир опять из мёртвых воскрешён, то нечего толпиться на пороге. Мы вышли вон, мы подвели итоги. Верней, итог.

все будет хорошо».

Последнее стихотворение этой подгруппы («Петлица кровоточила гвоздикой...») раскрывает миф об Орфее и Эвридике, тот момент, когда Орфей упустил возлюбленную навсегда: *«**Орфей** не смог дождаться **Эвридику**, и навсегда во тьму ее уводят чужие руки, проклятые тени, приспешники усталого **Харона**»*. И вновь, как в стихотворении «В обезличенном небе рождается лунный серп...» с мифом о Прометее, Листомиров старается осмыслить чувства героя мифа, задает риторические вопросы: *«Куда бежать, когда в крошечном мраке стирается последняя надежда? И бесится **трехглавая собака**, и ничего не будет так, как прежде. Собачий вой сливается не с лирой, а с яростным, безумным, диким криком. **Орфей** поёт, поскольку целым миром ему навеки стала **Эвридика** <...> И нет нигде покоя и отрады: пуста земля под жарким солнцем рыжим. К **Орфею** приближаются **менады**, стремясь закончить начатое им же»*. Харон – перевозчик мертвых в Аиде, трехглавая собака – Цербер (Кербер), охраняющий вход туда, а менады, согласно мифу, растерзали Орфея [Лосев, 1990]. Таким образом, в стихотворения входят прецедентные имена не только главных героев истории, но и сопутствующих, что расширяет охват мифологических единиц.

Добавим, что имена персонажей древнегреческих преданий могут входить еще и косвенно, через названия астрономических тел (космонимы, астронимы). Орион – созвездие, также его имя включено в названия нескольких астрономических объектов (Пояс Ориона, Меч Ориона, Туманность Ориона и т.д.):

*«Но мерцал **Орион**, словно ландыши подвенечные,
И комета неслась серебристо-слепящим дротиком»*

(«Если будешь стрелять, то, пожалуйста, целясь в голову...»).

Переходя к скандинавскому мифу, скажем про стихотворение «Обрастут кости древних владык...», где история поначалу развивается в пространстве греческого мифа: *«**Атлантида** взойдёт из воды», «Сам **Атлант**, опустившись без сил, / Бросит наземь небесное брюхо»*. Мифический остров, ушедший под воду (интересно заметить, что одним из предполагаемых мест расположения Атлантиды был Скандинавский полуостров [Любкер, 1885]) и титан, держащий небесный свод, лишаются своих функций, главные характеристики нивелируются или обращаются вспять, как и на протяжении всего стихотворения («Где был пепел – возникнет пожар» и др.), на этом легендарном фоне разворачивается драма лирического героя: *«И, беспомощно руки разжав, / Мы решимся друг друга покинуть»*. Разрушения приобретают еще больший масштаб в пространстве скандинавской мифологии:

*«**Норны** выжгут скелет **Иггдрасиль**,
И среди пустоты и разрухи
Оборвётся та самая нить,
Что когда-то нас вместе связала.
Ничего не дано изменить –
Ни нирваны теперь, ни **Вальгаллы**.»*

Согласно мифу, женские божества Норны ежедневно опрыскивают мировое дерево Иггдрасиль влагой из источника [Мелетинский, 1990], в стихотворении

же они его сжигают. В этом мире герои лишаются блаженного состояния нирваны и небесного чертога для избранных Вальгаллы [Там же]. Листомиров использует широко известные сюжеты, чтобы показать вывернутый мир разрушающихся чувств.

Апокалиптический скандинавский сюжет видим в стихотворении «ты наступаешь на тонкий весенний лед...»: *«реки воды вдруг становятся алой лавой. это тебе не какой-нибудь Рагнарёк, это – Помпеи, погибшие под вулканом»*, где Рагнарёк – гибель мира после битвы богов и хтонических чудовищ [Там же]. Но здесь реальное историческое событие гибели города Помпеи выходит на первый план и оказывается гораздо важнее эпического.

Обратимся к тематической подгруппе прецедентных текстов мифов европейского средневековья, которая начинается с упоминания Леди Годивы («Анна, Анна...»):

*«Анна, Анна,
Милый друг,
Бледнокожая годива,
Я играл с тобой в игру.
Ты, конечно,
Победила».*

Легенда гласит, что лорд Леофик, наложивший тяжкие налоги на жителей средневекового английского Ковентри, однажды сказал умолявшей о милости к народу жене, Леди Годиве, что снизит налоги, когда в полдень она проедет обнаженной по улицам города. Когда Леди отправилась в поездку, она стала героиней простых людей Ковентри. В знак уважения они закрыли ставни на окнах, когда она проходила [Сое, 2003]. Сюжет стихотворения не связан с легендой. Полагаем, что Леди Годива становится символом моральной победы. О символизации имени говорит и интересная трансформация: у

Листомирова Годива становится эпонимом (именем собственным, ставшим нарицательным).

Стихотворение «**Der Rattenfänger von Hameln**» посвящено средневековой немецкой легенде о Гамельнском крысолове. В легенде сказано, что «летом 1284 года бродячий музыкант избавил город от наводнивших его крыс, выманив их звуками флейты и утопив в реке Везер. Не получивши за это условленной платы, Крысолов в отместку увёл из города всех детей» [Маркова, 1972: 163]. История получила множество обработок в драматургии, музыке, кинематографе. В русской литературе ее осмыслили, например, М. Цветаева (поэма «Крысолов») и А. Грин (рассказ «Крысолов»).

Приведем довольно обширную цитату:

*«Когда не выразить словами всё то, что в мире происходит, я снова отправляюсь в **Гамельн** послушать россыпи рапсодий, уснувших в **Вёзере** степенном <...>. Но только **флейты** голос нежный, как зов, несётся над волною, все очертанья с побережья смывает приступ паранойи, а смех жестокого флейтиста стихает громом кавалькады, и растекается цветисто по телу горькая досада.*

*Туда, где тайными путями к реке ручьём стекались **крысы**, меня зовёт, манит и тянет одна настойчивая мысль. Что, если сквозь покров столетий прорваться в беге непрерывном, и выйти там, где будут **дети** идти за музыки порывом?*

<...> Но стоит мне остановиться, и то, что слито воедино, вдруг разобьётся на частицы, составив целую картину: .

***флейтист**, во временном разрезе мой силуэт не замечая, ведёт детей в бурлящий **Везер**,
и **дети**
падают
с причала».*

Нами выделены ключевые слова, оказывающиеся наиболее важными для основного содержания легенды. Это географические объекты (Гамельн, Везер), действующие лица (флейтист, дети) и символы события (флейта, крысы). Листомировым представлен один из вариантов восприятия прецедентного мифологического события, значимого в эмоциональном плане для автора и имеющего ярко выраженный сверхличностный характер.

Итак, мы рассмотрели блок мифологических прецедентных текстов в поэтическом творчестве Владимира Листомирова по славянской, античной, скандинавской и средневековой европейской подгруппам. Использование поэтом образов из всемирно известных преданий во многих случаях является текстообразующим приемом. Смысловая и эмоциональная нагрузка актуальных для ЯЛ Листомирова групп мифов усиливает экспрессию текста, делает его более глубоким.

2.3. Прецедентные тексты в структуре языковой личности Джека Абатурова

2.3.1. Прецедентные тексты русской литературы

Абатуров входит в поле прецедентности русской литературы с именами из детских книг. Первое такое стихотворение («У нас в нашем старом городе мало о чем рассказать можно...») отсылает к уже упомянутой нами книге А.М. Волкова «Волшебник изумрудного города»:

*«...это тебе не Канзас: ни Элли нет, ни Тотошки,
над кукурузным полем не летают домики маленькие,
люди живут, кто в “хрущевке”, кто в “сталинке”...»*

Имена персонажей выбраны как маркеры сказочного мира, которому противопоставлена обыденная реальность. Героиня идет по будничному городу:

*«я считала, чтоб не бояться баварских Людвигов,
как внезапно передо мной открылся дворец **Гудвина**».*

Любопытно здесь сочетание имени волшебного правителя Гудвина, который на самом деле не был волшебником, и имени реальной исторической личности Людвига II Баварского, которого прозвали «сказочным королем» [Meseck, 2021]. Указана амбивалентность Гудвина как фокусника-волшебника, но на его месте оказывается человек из мира героини:

*«Но перед ним стоял почему-то не фокусник или волшебник,
а ты, только ты, такой взлохмаченный и весенний».*

Несмотря на то, что в городе не оказывается сказочных персонажей, в этом «старом городе бывает большая Любовь».

Тему столкновения сказки и обыденности Абатуров с помощью прецедентных имен развивает и далее, но уже в пессимистическом ключе. Таким мы видим Гудвина в «Может, когда я влюбилась в Вас...»:

*«Может, когда я влюбилась в Вас –
Гудвин стал много спиртного пить,
пропил чужую храбрость, власть,
пропил любовь, изумруды, газ
и даже пропил мозги».*

В таких же мрачных тонах в стихотворении «Под кожаной курткой не достает крыла...» – имя капитана Врунгеля, который рассказывает невероятные небылицы о своих приключениях в юмористической повести Андрея Некрасова.

*«Знаешь, стихи горчат. А внутри – «Беда»,
да, тот корабль **Врунгеля**,
он на нём*

*не покоряет дальние берега,
ибо застрял меж мартом и февралем».*

А через день опубликовано стихотворение «Чем ближе ночь...»:

*«Молчат дома – в их лицах работающих
любовь уже не дышит,
барахлит.*

*Мне не поможет доктор **Айболит**,
самостоятельно сыграю в черный ящик».*

Айболит из одноименной книги Корнея Чуковского известен как добрый доктор, который всем помогает. У Абатурова перед нами перевернутые ситуации: капитан, который не стремится к дальним берегам и доктор, который не может помочь.

Можно говорить о значимости для языковой личности Абатурова прецедентных имен сказочных персонажей, к которым он обращается в моменты конфликта с действительностью, когда задает риторические вопросы. Из стихотворений выше: «Где недосказанность? / В повестях и романах / русских писателей или же в жизни нашей?» и «Скажи, / какие в жизни смыслы, / когда вся жизнь построена на лжи?»

Из сказки про Айболита у нашей ЯЛ встречается еще один персонаж – Бармалей: «Общество – как сотни **Бармалеев**...» («Я проплыл три темных океана...»). Представление общества как состоящего из злых разбойников (а именно с этим образом ассоциируется данное прецедентное имя) не сопровождается у Абатурова приемом, к которому прибегнул Листомиров с именем Годива – преобразованием имени собственного в нарицательное, даже несмотря на то, что эпоним бармалей отражен в лексикографии [Ефремова, 2006], что сохраняет бóльшую связь упоминания с первоначальным образом (это подкрепляется здесь морской тематикой рядом

с пиратом Бармалеем: *«Мысли выпадают из карманов – / проглотил гигантский осьминог», «Я плыву. И ветер не попутный»*).

То же представление общества через ПИ видим в стихотворении, написанном спустя 6 лет, в 2020 г.: *«По проспектам — не люди, тени, но в костюмах, пальто, туфлях. И сбегая от Бармалеев к Вязам, Гребням, в Елагин парк, исчезаю, смешавшись с краской — будто в сером и был рожден»* («Всё в порядке. Перчатка, маски...»). Здесь «Бармалеи» появляются уже в пространстве города, но значение данного имени в структуре ЯЛ Абатурова остается прежним.

В этом тексте упоминается ещё одна прецедентная единица – имя автора: *«С неба падают капли краски, тоже серые, на окно, на качели, на Льва Толстого / площадь — камень, решетка, сквер»*. Через имя автора мы видим метонимически представленный памятник писателю как элемент пасмурного пейзажа.

К слову, заметим, что категория красок, появляющаяся в обеих цитатах, приведенных выше, имеет немаловажное значение для ЯЛ Листомирова (ср. *«И жизнь наполнится гаммой красок, / когда ее позовут гулять»*, *«Рисуешь краскою акварельной плацкарт, и в небе – огромных птиц»*, *«кровь разукрасит стены и потолок»*, *«Морозная весна / раскрасит в синь / разнеженное / небо»* и др.). В этом плане особенно значима строка про *«краски Достоевского»* («Тут не до сказок...»). Благодаря использованию прецедентного имени значение этой строки прозрачно для читателей, которые без труда могут представить цветовую гамму в художественном мире Достоевского.

Из классики 19 в. Абатуров обращается также к творчеству А.С. Пушкина. В частности, основой стихотворения *«Вот так проснешься туманным утром...»* становится отрывок *«У лукоморья дуб зеленый...»* из поэмы *«Руслан и Людмила»*:

*«Вот так проснешься – не светит солнце. Вздохнешь. Запрыгнешь на старый вел, и в лес, холодный, суровый, тёмный, где старый дуб и **учёный кот**. <...> Ты часто в шашки играл с котом, купался в озере, бегал кроссы [и **Леший** вечно в них побеждал], с **Русалкой** длинные папиросы курил».*

Выделенные персонажи в совокупности точно указывают на определенный текст. Здесь сказочный мир, воссозданный прецедентными именами, оказывается формой эскапизма:

«И знакомым врал, что ездил в Питер на выходные, а в отпуск – в Грецию и на Кипр, что обошел все ущелья Крыма, заснял на камеру классный вид! Старался с ними держать беседу, но вечерами сбегал в свой лес».

Стихотворение пронизано знакомыми формулами: цитирование «леший бродит» (обратим внимание на написание «**Леший**» с заглавной буквы у Абатурова), воссоздание узнаваемого образа самого автора через конкретную деталь внешнего облика – кудри:

*«Вот так проснешься в часы обеда, услышав, как объявляют рейс: “Экспресс до дуба, где **Леший бродит**”. Бегом из дома, в одной из кед... Но он уходит. Уже уходит. И для тебя в нём местечка нет. На небе тучи – большие кудри, к нему колонны и этажи».*

Абатуров использует ПЕ из литературы 19 в. Теперь обратимся к 20 в., откуда встречается целый набор авторов:

*«Я писал бы
тебе*

*о Ницше и Керуаке,
и о том, что забыл наушники
в гардеробе,
о Есенине, Лорке, Рыжсем
и Пастернаке,*

о Любви

и Боге».

(«Я писал бы тебе...»)

Нами выделены здесь лишь имена, относящиеся к рассматриваемой группе ПТ русской литературы. Очевидно включение в перечислительный ряд русских авторов 20 в. имени испанского поэта Фредерико Гарсиа Лорки, хотя зарубежные авторы перечислены по тексту выше. Это сделано неслучайно: прецедентные имена испаноязычной литературы тесно взаимодействуют в ЯЛ Абатурова с именами авторов русской литературы (что особенно заметно на показанном ниже примере с Бродским). Из выделенных имен два относятся к началу века и считаются классикой (Сергей Есенин, Борис Пастернак), и одно относится к концу 20 в. и еще не завоевало столь широкой известности (Борис Рыжий), но тем не менее, узнаваемо. Данное стихотворение размещено в сообществе Абатурова дважды (в 2016 и 2018 г.), более того, эти стихи были записаны в песенном формате музыкальной группой, что указывает на его значимость в восприятии автора и аудитории.

Имя Есенина и цитата из его стихотворения «Гой ты, Русь, моя родная...» появляются у Абатурова в формате эпиграфа («Горят ли где родные берега...»): *«Если крикнет рать святая: “Кинь ты Русь, живи в раю!” / Я скажу: “Не надо рая, дайте родину мою”. Сергей Есенин»*. Эпиграф как сильная позиция текста, указывающая путь его интерпретации [Лукин, 1999], связан здесь со всем стихотворением. Задав благодаря прецедентному включению тему родины, Абатуров развивает ее, в произведении звучат традиционные мотивы Бога, господ и неволи, родных пейзажей («*что нужно мне – калечной – кроме Бога, / чья тяжела / и праведна рука*», «*толпа – смеясь и скалясь – просит чуда, / томится в ожидании пинка / господского святого сапога, / излечит что / от всякого недуга / любого молчуна и дурака*», «*Поют ли песнь – живую и лихую – / костлявые берёзы за рекой*») и др. Есенинские

строки о выборе родины вместо небесных благ Абатуров художественно осмысляет следующим образом:

*«Горят огнём родные берега.
Ворчанию судьбы не подчиняясь,
я в эту землю – гордую –
влюбляюсь,
отринув путь небесный –
как врага,
одна она – как мать – мне
дорога,
и все равно –
здорова ли, нага,
гляжу в нее – душой
преображаясь».*

Это один из случаев взаимосвязи прецедентного текста со всем стихотворением у исследуемого нами автора.

Еще одна крупная фигура начала 20 в. из мира литературы, встречающаяся у Абатурова, – Владимир Маяковский. Его имя, как и Есенина в «Я писал бы тебе...» предстает в окружении имен других авторов (здесь – английских писателей), но только имя Маяковского становится лейтмотивом:

*«Рисуешь краскою акварельной плацкарт, и в небе – огромных птиц, а **Маяковский** в твоём портфеле слагает рифмы про проводниц. В ушах три тысячи новых музык [там Сплин, Сурганова и Би-2, а может – Beatles (то дело вкуса, оно решается на «раз-два»)]. Под **Маяковским** – Бронте и Фаулз, а рядом – яблоко и лэптоп. <...>*

Бренчит колесами синий поезд по акварельным путям и рельсам, выводишь кистью моря и горы, стихи, закаты, любовь и песни. И Маяковский, облокотившись на дверь вагона, взирает гордо.

Еще три станции – будешь дома.

И поцелуешь Россию в бёдра».

(«Рисуешь краскою акварельной плацкарт...»)

Кроме зарубежных авторов здесь встречаются названия музыкальных групп. Но если все имена и названия появляются в связи с какими-либо предметами (книги, наушники), то Маяковский, чье имя в первой строфе тоже метонимически заменяло книгу, превращается в участника событий: «*И Маяковский, облокотившись на дверь вагона, взирает гордо*». Его имя безусловно важно для ЯЛ Абатурова в свете темы России.

Обращаясь к Маяковскому, Абатуров также размышляет над темой поэта и поэзии. Стихотворение «Ты обращаешься презрительно “поэт!”...», уже раскрытое нами в параграфе 2.1., заканчивается строкой: «***Но я – поэт. И этим интересен***», что является измененной для стиховой формы фразой «Я — поэт. Этим и интересен», которой Маяковский начал автобиографию «Я сам». Трансформированная прецедентная цитата (маркированная заключением в кавычки) венчает собственную рефлексию Абатурова над сущностью поэта.

Поэтом, наиболее значимым для ЯЛ Абатурова, является Иосиф Бродский. На его имя приходится самое больше количество упоминаний в стихотворениях разных лет. Первое относится к 2013 г.:

*«На кухне жую макароны стальные флотские,
носом вдыхаю
синеющий запах хлорки.*

*У окна моего курят Иосиф Бродский и
Хорхе Луис Борхес.*

Я боюсь подойти к ним. В обществе этом – лишняя.

И сижу за столом. В тарелку смотрю пустую»

(«Было, как в скандинавской сказке...»).

Примечательно, что названные поэты Бродский и Борхес появляются здесь не как авторы произведений, а как живые персонажи, сопровождающие тему одиночества («Дом без него / чернеющей стал хибарою. / Сердце – холодным сгнивающим сельским кладбищем», «Все хорошо. Но, Боже, не дай каждому / услышать невыносимое / “Я не люблю тебя”»). Лирическая героиня чувствует себя лишней среди поэтов со своим сочинением («Смерть загребает огромной своей ручицею / не поставленную / в сочинении запятую»). Виден большой пиетет самого Абатурова по отношению к называемым им авторам.

Имя Бродского рядом с именем испаноязычного автора встречается через два года, что примечательно, тоже в бытовом контексте. Речь идет о квартире:

«В ней хорошо, лампово и душевно.

Никто не кричит, не режет слова и нервы.

*Маркес и **Бродский** рядом с тобой пьют
чай.*

*Можно сидеть и просто молчать,
молчать!..»*

(«Кутайся в шарф, натягивай кофты до пяток...»)

На этот раз рядом с Бродским писатель Габриэль Гарсиа Маркес. Оба автора предстают в роли персонажей, совершающих обыденное действие. Спустя время герой Абатурова духовно сближается с известными авторами (ср. «Я боюсь подойти к ним. В обществе этом – лишняя» и «Маркес и Бродский

рядом с тобой пьют чай. / Можно сидеть и просто молчать, / молчать!»), их компания вписывается в «ламповую» и «душевную» атмосферу квартиры.

Но имя Бродского сопровождает героя Абатурова при любом его настроении:

*«Я живой! Я долго слушал Баха.
Я смотрел, как **Бродский** колет ритм.
В чашке с чаем тонет крупный сахар –
под воду уходит, словно кит.
Я сидел на кухне. Я смотрел и
слезы вниз катились по щекам.*

*Дождь стучал в простуженные стены
самую печальную из гамм» ».*

(«Дождь прошел в костюме мимо дома...»).

Перед нами снова пространство кухни как в «Было, как в скандинавской сказке...» (написанной в том же году) и чаепитие как в «Кутайся в шарф, натягивай кофты до пяток...». Для ЯЛ Абатурова Бродский, по-видимому, является самым близким из поэтов.

В 2014 г. было написано стихотворение «И бродяга-декабрь потерял свой костюм...», которому предпослан эпиграф: «**“Снег идет, оставляя весь мир в меньшинстве...” И. Бродский**».

Абатуров по-своему развивает тему одноименного с эпиграфом стихотворения. Взяв за основу лишь его первую строчку, сетевой поэт меняет предмет повествования – превращает снег в дождь и пишет стихотворение о любви:

*«Дождь идет, пробивая окно за окном,
и сбивая прохожих с ног.*

*Я влюбился в тебя и стал дураком,
тобой до костей продрог»,*

и в последнюю строфу помещает видоизмененную цитату из эпиграфа: «*Дождь идет, оставляя мир в меньшинстве*», говоря вместе с тем о любви: «*и, наверное, ты – мой дождь*». Так, цитата здесь становится стимулом для творческой вариации.

Стихотворение 2015 г. «*Говорят тебе...*» неоднократно повторялось Абатуровым на страницах авторского сообщества. Повествование про будущее июльское путешествие заканчивается так: «*Одевайся! Отходит поезд через 77 минут. Как у **Бродского** – прямо к морю, / не разжав для приветствий губ*». Снова мы видим имя автора и отсылку к цитате, хотя здесь она распознается сложнее. Это отсылка к стихотворению «С видом на море» и строку «*Сядь в поезд, высадись у моря*». То, что Абатуров размещает «*Говорят тебе...*» четыре раза в своем сообществе, говорит об особой значимости этой публикации.

В 2016 г. исследуемый нами поэт написал стихотворение «*Ветер и шум...*», полностью построенное на сюжете Бродского, что сам Абатуров отметил в примечании: «**И.А. Бродский “Новый Жюль Верн” (1976), IX: “Дорогая Блани, пишу тебе, сидя внутри гигантского осьминога. / Чудо, что письменные принадлежности и твоя фотокарточка уцелели...”*». Примечание оставлено к имени лейтенанта Бенца, который, попав внутрь гигантского осьминога, писал письма своей возлюбленной.

«...Будто внутри гигантского осьминога.

Небо под цвет лянлого полотенца.

Может, пора искать лейтенанта

*Бенца?**

Вместе читать

Канта и Мопассана.

<...> Ветер и шум.

Прелесть сюиты Брамса

не украшает этот кошмарный транспорт.

Тонны воды. Ил и морская пена.

Может, пора искать капитана Немо?

<...> Ветер и шум.

Тошно и одиноко.

Чёрт бы побрал гигантского осьминога!»

Из стихотворения Бродского взяты имена лейтенанта Бенца и капитана Немо (который в свою очередь является героем книг Жюль Верна), а также культурный фон (Кант, Мопассан, Брамс). Абатуров наполняет эту обстановку собственными деталями («*Печь трюфеля. Пробовать круассаны. / Петь и кидать друг в друга / орехи кешью*»), собственным лейтмотивом (ветер и шум), и смотрит на ситуацию глазами своего лирического героя. Сюжет стихотворения неоспоримо важного для ЯЛ Абатурова поэта перерастает в новый художественный текст.

Интересно включение прецедентных имен в «Привычно проснулся утром и встал с постели...»:

«Владимир, Борис, Хулио и Иосиф

из книжного шкафа прямо в глаза смотрели

мне. И о чем-то думали в это время)».

Как обыкновенно принято, главным образом авторов обозначают через фамилию. Здесь же даны имена авторов, которых мы можем с некоторой долей уверенности определить лишь теперь, в конце подпараграфа. Для этого нужно сопоставить имена с фамилиями уже упомянутых авторов. Появляется

следующий ряд: Владимир Маяковский (или Владимир Набоков, о котором сказано ниже и которого Абатуров упомянул в том же 2016 г.), Борис Пастернак (или Борис Рыжий), Иосиф Бродский и между ними (поскольку мы уже выяснили совмещение испаноязычной литературы с русской в структуре языковой личности Абатурова, можем предположить) – Хулио Кортасар. Такой необычный способ введения ПИ авторов может указывать на близкое знакомство с их творчеством.

Имя Набокова звучит в стихотворении «Из метро по улицам Форш и Гашека...»: «*Выдыхай – лаванда, корица, паприка; в рюкзаке – **Набоков**, ключи, билет...*», где книгу названного автора герой берет с собой, следуя по Петербургскому маршруту.

Завершая параграф о прецедентных текстах русской литературы у Абатурова, укажем еще раз на основные значимые ПЕ для его языковой личности: это имена персонажей авторских сказок в контексте столкновения сказки и реальности, имена Есенина и Маяковского с использованием их произведений или образов в свете размышлений о России, имя Бродского, выделяющееся частотой своего использования и появляющееся в разных контекстах в окружении как русских, так и зарубежных авторов.

2.3.2. Прецедентные тексты зарубежной литературы

Абатуров начинает обращаться к прецедентным текстам зарубежной литературы в начале своего творчества. В стихотворении «шептали часы – пятнадцать минут до рассвета...» читаем:

*«...прости, милый мой, что я - ни черта не Джульетта,
а ты не Ромео, и мы не уходим на смерть,*

уходим домой, чтоб кушать борщи и котлетки,

*болтать по контакту и ночью звонить на мобильный,
прости, милый мой, но ты - ни черта, не Монтекки,
а я не Джульетта... с фамилией сложной и длинной,*

*<...> но знаешь, мы в Вологде, здесь – ни черта не Верона,
пойдем лучше выпьем from Italy крепкого кофе...»*

Употребление прецедентных имен из трагедии Уильяма Шекспира (через шесть лет его имя появится в «Паспорт с Че и футболка с Че»: «*На потрёпанный том Шекспира опирается пара лап*») «Ромео и Джульетта» схоже здесь с употреблением Абатуровым имен персонажей сказок, где литературному сюжету противопоставляется сниженная реальность.

Еще одной пьесой, вошедшей в стихи Абатурова, стала драма Фридриха Шиллера. Повествование о безответной любви заканчивается так:

*«Кажется, заболела. И мне лекарство
необходимо
как Марсу «еда богов»,
катится по стеклу огонек бенгальский,
а на столе со мной лишь одно “Коварство...”
ну
“...и любовь”».*

(«У меня же для Вас только любовь и виски»)

Разделение названия пьесы на две части говорит об особой роли названного произведения в рассуждениях лирической героини.

Отметим здесь одиночное включение имени бога Марса из римской мифологии. Кроме этого, имя мифологического персонажа можно увидеть у Абатурова в составе фразеологизма «ахиллесова пята» («Наполовину прокляты собой, мы верим по спланированной схеме...», «Я в учебниках Ваших останусь такой историей...»). А в стихотворении «Что толку от этих

аудиозаписей...» – переложение на современность мифа, описанного в «Одиссее» Гомера:

*«...он почти **Одиссей**,*

в доме его – жена.

В доме его – тепло, коты и даже любовь, наверно,

но он убегает

в людскую пыль

на черной своей галере.

*<...> муж ее – **Одиссей**,*

что каждую ночь уплывает в галере

в один алкогольный шторм».

Интересен в ряду совмещений реального и литературного сюжета случай включения ПИ персонажей в «Считая шаги от Разина до Советского...»:

«Стану тебе у здания факультетского

белым платком батистовым

де Шеврез.

Ты же пройдешь по улицам, как и должно,

не оглянувшись к ветреным феврялям.

Ну а меня,

как пепельный подорожник

*в грязь сапогом впечатает **Д'Артаньян.***

и у меня шансов,

как у платочка,

*вновь оказаться в камзоле у **Де Эрбле.***

Из трех отмеченных имен персонажей прецедентным можно назвать только одно – Д’Артаньян. Но в других тоже можно узнать персонажей романа «Три мушкетера»: де Шеврез больше известна как «белошвейка», а Де Эрбле – как Арамис. Такой вариант представления героев выбран для стихотворения, построенного на сюжете указанной книги. Ссылок на оригинальный текст достаточно: история с батистовым платком, упоминание монастыря Дешо, имя Д’Артаньяна и, наконец, имя самого автора произведения («*Как по ночам / с книгой Дюма в обнимку...*»).

Здесь же упоминается персонаж другой книги, «Острова сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона: «*Карту сокровищ у капитана Флинта / не отыскать / на красной волшебной полочке*». Подобное включение имени морского капитана, участвующего в приключениях, упомянуто нами в подпараграфе выше, в русской литературе это капитан Врунгель.

Отдельного упоминания заслуживает текст о Гарри Поттере у Абатурова, где в отличие от предыдущих примеров вымышленный сюжет не совмещается с реальным:

«Шумели реки волшебной школы: «Приехал Поттер. Тот самый Поттер. Ты видишь лоб его, видишь шрам?». Вокруг него сгруппировалась своя когорта [но взгляд мой точен – он, верно, выскочка и болван]. О, милый Альбус, ты ждал, что я отнесусь с любовью <...>.

– О. Гарри Поттер, – почти что шёпотом. – Наша новая знаменитость»

(«Бадьян, лаванда, имбирь и мята, настой крапивы...»).

Повествование целиком базируется на литературном сюжете, описанном от лица одного из персонажей. Прецедентность текста строится на именах (фамилия Поттер повторяется даже трижды) и цитате, выделенной в конце. То же видим в стихотворении «Нагайна, убить!», написанном, как указано Абатуровым, четырьмя годами ранее, в 2011 г. (пост в сообществе был

размещен позже, в 2013): «– *Нагайна, убить! <...> О, Гарри, мой мальчик, взгляни же в мои глаза / и дай мне в твои глаза под конец взглянуть. <...> ведь в нем ее боль... в нем бьется любовь Лили. <...> И мальчик, который выжил, идет на смерть*». По-видимому, персонаж Северус Снейп важен для ЯЛ Абатурова (хотя он ни разу не назван), ведь именно от его лица написаны оба текста, как важен и Гарри Поттер, главный герой истории.

В стихотворении «*Может, когда я влюбилась в Вас...*» – уже знакомое нам обращение к вымышленным мирам через призму личных переживаний героини:

*«...Поттер с порталом попал в Мадрас,
а не на кладбище, где на «вальс»
ждал его Томас Риддл.*

*Может, когда я влюбилась в Вас –
дистрикт 11-ать не восстал,
Китнисс и Пит потеряли шанс...»*

Так, через обращение к именам из детских и подростковых книг (Поттер и Томас Риддл из серии книг о Гарри Поттере, Китнисс и Пит из серии «*Голодные игры*», здесь же есть имя Гудвина, который «*стал много спиртного пить*») Абатуров вводит перевернутые сюжеты персонажей, чтобы показать нарушения в мире самой героини: «*В общем, когда я влюбилась в Вас – / в мире моем все пошло НЕ ТАК*».

Или в стихотворении «*Я проплыл три темных океана...*» персонажи появляются как фон плывущего по течению жизни героя: «*Играет что-то Шерлок там на Первом. Ой. На Бейкер-стрит*», «*Гусеница машет мне кальяном, свесившись с гриба. На листочке маленький барашек не дотянет, бедный, до утра*» (там же и отсылка к Гарри Поттеру: «*Я плыву и жду, когда же шляпа крикнет над башкою “Гриффиндооооор!”*»). Не только Шерлок из

романов Артура Конан Дойла, но и Гусеница с кальяном из «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла, и барашек из «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери весьма узнаваемы благодаря контексту.

Через обращения к сказкам продолжается в «...и мистер Уильямс кусает веточки от черешен...»: «Он знал, что бой еще только начал [уже проигран], а шанс на счастье как в сказках **Гофмана и Перро**». Согласно контексту, шансов на счастье у героя нет, что удивительно, ведь истории, благодаря которым известны Гофман и Перро, имеют благополучную концовку. Скорее всего, имена сказочников взяты для того, чтобы указать на нереальность возможности счастливой развязки в ситуации героя. К сказкам Абатуров отсылает и в стихотворениях «У нас в нашем старом городе мало о чем рассказать можно...» («...**в красных косынках по лесу не бродят стаи волков**», сказка «Красная шапочка») и «А он прочтет письмо...» («**И на плечах веревок бечевых, / как под матрасом у принцесс горошин**», сказка Г.Х. Андерсена «Принцесса на горошине»).

Прецедентные имена сказочных персонажей звучат в публикации «Тут не до сказок...», что сразу задает известный контраст: «**Мальчиков здесь не нарекают Каями. / Девочек здесь не нарекают Гердами**». Выделенные имена из произведения Г.Х. Андерсена «Снежная королева» весьма значимы для сетевых поэтов в целом. Около 7 тыс. результатов отображаются по запросу «Кай и Герда» на сайте Стихи.ру [Стихи.ру, 2022], что наглядно показывает ценность этих ПИ в пространстве сетевой поэзии. Абатуров обращается к сюжетам крупнейших европейских сказочников.

Как можно видеть из примеров выше, у Абатурова встречаются прецедентные имена или названия в круге чтения его героя: так или иначе появляется книга или обозначается процесс чтения. Круг подобных случаев очень разнообразен. Например, в одноименном стихотворении звучит рефреном строчка «**в наушниках – Агата Кристи, в руках Паланик “Уцелевший”**», а в размещенном в сообществе ВКонтакте спустя день

«Документ Microsoft Word (четыре)» видим строчку «Отложив *«Имя Розы»* У. Эко...». Чак Паланик и Умберто Эко являются весьма разными авторами, но романы обоих относят к постмодернизму.

Здесь же отметим, что среди включения названий книг есть случаи трансформации: «*И я теперь под пропастью во ржи*» («Чем ближе ночь...»), роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи»), «*Этот дивный и новый мир, как у Хаксли*» («У нее экзамены и диплом...»), роман О. Хаксли «О дивный новый мир»), во всех остальных случаях названия выделяются кавычками. Но чаще книги подаются не через заглавие, а имя автора: «*книги Шлинка и чёрный чай*» («Говорят тебе...»), «*Прочитал все романы Флинн*» («Всё в порядке. Перчатка, маски...»).

Хронологически и тематически далекие авторы соседствуют у Абатурова в одной строчке в «Мне пятнадцать...»: «*За плечами школа, впереди – надежды, не читал ни Ницше, ни Гришковца*» (ср. у Листомирова: «*я не учу Шопена и не читаю Ницше*»). Но негация для героя снимается, по-видимому, став старше («*Мне уже [о Боже!] все двадцать два*»), с книгами авторов он ознакомился, и сам Абатуров позже включает имя одного из них в свое произведение: «*Я писал бы / тебе / о Ницше и Керуаке...*» («Я писал бы тебе...»). Ряд продолжается фамилиями Есенина, Лорки, Рыжего и Пастернака, как было показано в подпараграфе, посвященному русской литературе. Очередность имен говорит об актуальности названных зарубежных авторов для ЯЛ Абатурова. Имя Керуака повторится в публикации «Ветер южный. Чай с черникой...» в домашнем антураже: «*Керуак. Тетрадка. Стол*», где перед нами метонимичное обозначение предмета через имя автора книги.

Негацией также отмечено стихотворение «Я – не Будда...», построенное на отрицании одних званий и характеристик («*Не Иисус. Не священник. И не монах*», «*Я не тёмный, не рыжий*», «*Не святоша. Не друг. Не враг*» и др.) и утверждении других («*Я рус*», «*Я – идиот*», «*Я люблю по ночам страдать*,

вечерами писать стихи» и др.). В ряду отрицаний встречается строчка «*Я не Драйзер, не Флэгг, не Лем*». Помещение разноплановых авторов в один ряд усиливает отталкивание героя от писательства в целом. Выявление собственной идентичности через отрицание прецедентных имен заканчивается строчками: «*Мое первое имя – Джек. Я закончил обычный вуз [но его уже даже нет]. Я пишу по ночам стихи, а потом предлагаю вам*», таким образом приводя героя к конкретизации своего «я». Значимость этого стихотворения для Абатурова подчеркивается дважды повторенной его публикацией в сообществе.

Именно через книги герой Абатурова самоопределяется и рассуждает о себе. Например: «*Я – словно в книге Марселя Пруста, живу и думаю не о том*» («Мой город ночью как южный парень...»). Он сравнивает себя и объект своих симпатий с литературными героями: «*Помнишь, я был [как Вертер] чувством немым простужен?*» («Вишня, миндаль, корица...»), «*Я же люблю Вас, / мой камергер, / мой граф Монте-Кристо*» («Все, что случилось на прошлой неделе...»). Такое личностное отношение к прецедентным именам придает им особый статус в структуре ЯЛ данного сетевого поэта.

Еще одно обращение к теме любви через ПТ – в стихотворении «Мы будем болтаться в крыле самолёта...»: «*Не прав был / модный старик Бегбедер, / что отводил ей мгновенья три*». Речь идет о романе Фредерика Бегбедера «Любовь живет три года», построенного на теории о том, что у любви есть определенный срок. Герой Абатурова полемизирует с этой точкой зрения и пытается по-своему осмыслить это чувство. Указание на прецедентность здесь содержится в самом тексте через использование эпитета «*модный*».

Осмысление целого литературного сюжета о любви и успехе видим в «Мой корабль, мое море – статичны, но быстр мой бег...»:

«...Я не пил ни вина, ни чая. Я просто шёл. Я читал много книг и прятался от зеркал. <...> Я увидел тебя и... <...>

Моя жизнь обрела смысл, ощутила вес. Я узнал, что душа – безудержный океан и за год истерзал, наверное, целый лес, чтобы бросить его стихами к твоим ногам. Но любовь – не любовь, а сор и успех жжёт, если нет никого, кто б верить в тебя хотел.

<...> Я прошел тридцать зим – и где же моя душа? Я еще не забыл твой голос и звонкий смех.

Океан уже близко [только один шаг].

Почему я искал любовь, а нашел успех?»

Через черту в примечании автором отмечено: **«М. Идену»**. История Мартина Идена из одноименного романа Джека Лондона, его пути к литературному успеху и влюбленности в девушку Руфь послужила источником для поэтической обработки. На протяжении стихотворения не прозвучало ни одного имени, имя главного героя появляется лишь в посвящении, помещенном в конце, но отнесенность к ПТ всего стихотворения очевидна.

Особое предпочтение из зарубежных литератур Абатуров отдает испаноязычной. Самое примечательное здесь – совмещение с именами русской литературы: **«У окна моего курят Иосиф Бродский и / Хорхе Луис Борхес»** («Было, как в скандинавской сказке...»), **«Маркес и Бродский рядом с тобой пьют / чай»** («Кутайся в шарф, натягивай кофты до пяток...»), **«о Есенине, Лорке, Рыжем / и Пастернаке»** («Я писал бы тебе...»), что говорит об особом месте представленных зарубежных авторов в ЯЛ Абатурова. Перейдем к следующим стихотворениям.

«Ехать

от Orange House

где-то до Тома

Йорка.

*Барнс,
Кортасар
и Фаулз.*

*Беккер,
Эрнандес,
Лорка.*

Мост, уходящий в небо. Кофе и вальс Шопена».

(«Ехать от Orange House...»)

Абауров здесь помещает имена писателей и поэтов в музыкальный контекст сначала современный, затем – классический. Обратим внимание на то, как выделены имена. Для этого используется дробление стихотворной строки и кроме этого – разбивка на предложения и строки с группированием имен по три. Аргентинский писатель Хулио Кортасар оказывается в окружении английских писателей Джулиана Барнса и Джона Фаулза. В следующей строфе переда нами – поэты Густаво Адольфо Беккер, Мигель Эрнандес, Фредерико Гарсиа Лорка. Полное имя последнего появляется в «На кухне сядешь...»: *«И всё что есть – это сон и книга <...>. Два тонких томика **Федерико Гарсии Лорки** <...> и три страницы о жизни тех, кто не обнимет тебя за плечи, а как хотелось бы...»* Перечисляя различных поэтов и писателей, Абауров показывает широту своего читательского кругозора в области испаноязычной литературы.

Маркес и его герои появляются в стихотворении «Двадцать два – всего лишь одно из чисел...» в начале:

«В маркесовской Колумбии Флорентино Ариса.

И Фермина Даса.

Умирают не от любви, от старости»,

и в финале:

«В маркесовской Колумбии Флорентино Ариса

и Фермина Даса

отправляются к кораблю».

Персонажи романа «Любовь во время холеры», соединившись уже будучи немолодыми, отправляются вместе в плавание, которое продлится всю жизнь.

Обращаясь к их именам, герой сетевого поэта размышляет о времени и любви:

«Посмотри – мы богаты. У нас есть / всё. / Кроме времени», «Напиши мне письма длиною в фразу / всего одну. / Я тебя люблю».

И, конечно, Абатуров не мог обойти самый значительный текст испанской литературы [Herrero, 2022]: *«Мое сердце – живот распоротый / Санчо Пансо»* («Я живу от гастрита и до гастрита...»), поэт называет одного из главных героев романа «Дон Кихот».

Наряду с такими прецедентами мировой литературы Абатуров вводит менее известные произведения. Например, в комментарии к публикации «Фрэнсис, / такие планы — не описать...» Саша Кириллова пояснила со своей страницы: «Просто я прочитала книгу, где главную героиню зовут Фрэнсис, и написала ей письмо», и на вопрос подписчицы о том, как называется книга, ответила, что это «Разговоры с друзьями».

Таким образом, в круге чтения рассматриваемого нами сетевого поэта оказываются представители литератур разных стран (авторы, писавшие произведения на испанском, английском, немецком, французском, итальянском, греческом, американском, польском языках). Абатуров использует в своих стихах имена сказочных персонажей и из зарубежных текстов. Поэт обращается к именам как ныне живущих авторов, так и авторов

классических произведений. Из современных книг важную роль для ЯЛ поэта играет серия «Гарри Поттер», сюжеты которой получили эмоциональное осмысление в строках Абатурова. Отдельное место в языковой личности автора занимают испаноязычные авторы, неоднократно упоминаемые в разные годы и как составляющие круга чтения лирического героя, и как самостоятельные персонажи или авторы определенных текстов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Соответственно изложенному, прецедентные единицы, выявленные в стихах рассматриваемых авторов, были изучены по группам русской и зарубежной литературы и мифологии у Листомирова, русской и зарубежной литературы у Абатурова. ПЕ были охарактеризованы с точки зрения значимости для конкретной языковой личности и сверхличностной значимости, также была дана характеристика по классификации способов ввода (через заглавие, цитату, имя персонажа, имя автора).

Переведем вышеизложенный материал в количественные показатели. Проведя подсчеты, мы установили, что в 34 из 149 опубликованных поэтических текстов Владимира Листомирова содержатся прецеденты, что составляет примерно $\frac{1}{4}$ от общего количества материала. В этих текстах выявлено 57 прецедентных единиц. В Приложении А представлены способы их введения и соотношение по разным тематическим блокам. Как можно видеть, наибольшую значимость в структуре языковой личности Владимира Листомирова имеют прецедентные тексты из зарубежной литературы, самый распространенный способ введения прецедента – это имя персонажа или автора.

Те же подсчеты, представленные в Приложении Б, показывают способы введения прецедентных единиц и тематические блоки источников прецедентности в стихах Джека Абатурова. В 46 из 187 стихотворений этого автора содержатся прецедентные единицы, что так же составляет примерно $\frac{1}{4}$ от общего количества стихов. В обозначенных текстах выявлена 81 прецедентная единица. Такое количество объясняется особенностью введения поэтом прецедентных текстов: часто в одном стихотворении называется много прецедентных имен, которые перечисляются в круге чтения героя Абатурова. Для данной языковой личности также наиболее важными являются прецеденты зарубежной литературы, наиболее распространенными способами введения – имя персонажа или автора.

Кроме того, в Приложении В мы проследили динамику написания исследуемыми авторами текстов с включением прецедентных единиц по годам. Можем видеть, что обращение к прецедентам у Листомирова более статично, в то время как у Абатурова постепенно сходит на нет, что, возможно, связано с поиском собственного поэтического «я».

Скажем о языковых портретах Листомирова и Абатурова с позиций лингвоперсонологии. Оба автора предстают через свои поэтические тексты как незаурядные, творческие личности, способные к трансформации прецедентных источников и их глубокому осмыслению. Анализ показал, что кругозор современного интернет-поэта охватывает широкий спектр культурно значимых текстов.

Имена авторов и персонажей из всех обозначенных нами групп прецедентных текстов исследуемые поэты в силу глубоких культурных знаний могут использовать для создания разных ассоциаций: сюжетных, визуальных, географических, хронологических и др. Другие способы введения прецедентного текста, такие как цитата и заглавие, хотя и представлены в меньшем объеме, также играют важную роль в структурах ЯЛ данных авторов, это мы также постарались раскрыть в данной главе.

Таким образом, проведенный анализ прецедентных текстов в поэзии Листомирова и Абатурова демонстрирует, что языковая личность сетевого поэта может представлять интерес как творческая личность с высоким уровнем культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в первой главе, представляющей теоретическую базу ВКР, исследован феномен языковой личности как носителя языка, охарактеризованного на основе анализа произведенных им текстов, исследовано учение о прецедентных текстах как о значимых в познавательном и эмоциональном отношениях текстах, которые имеют сверхличностный характер, рассмотрено изучение языковых личностей поэтов и изучение сетевой литературы современной наукой – это области, вызывающие интерес современных ученых и являющиеся ключевыми для данной работы.

Во второй главе выбранные для анализа сетевые поэты Владимир Листомиров и Джек Абатуров представлены как значимые для читателей авторы, имеющие опыт в поэтическом творчестве. Исходя из специфики прецедентных единиц, включенных в поэзию данных авторов, ПТ рассмотрены по группам русской и зарубежной литературы и мифологии у Листомирова, русской и зарубежной литературы у Абатурова.

Анализ прецедентных текстов в стихотворениях данных поэтов включал следующие элементы: цитирование отрывка поэтического текста с указанием названия стихотворения, выделение прецедентной единицы, объяснение ее значения в контексте языковой личности рассматриваемого автора или в общекультурном контексте, характеристика прецедентной единицы по классификации способа ввода (через заглавие, цитату, имя персонажа, имя автора). Когда речь шла о возобновляемом обращении к конкретной прецедентной единице в дискурсе данной ЯЛ, было важно подчеркнуть дату написания. Анализ производился в хронологическом и тематическом порядке, в соответствии с логикой повествования.

Для Листомирова из поля русской литературы значимы прецедентные имена, большое внимание он уделяет авторам в связи с их трагической судьбой (Пушкин, Есенин и др.), имена персонажей из этой группы

переплетаются с зарубежными (например, Мастер и Маргарита и Данте и Беатриче). В группе зарубежных ПТ было выделено имя Брэдбери из-за возобновляемого упоминания и обращения к его произведениям. Листомиров может использовать трансформацию цитат (из произведений Сент-Экзюпери, Сэлинджера) и названий (книга «Вино из одуванчиков»). За короткий временной отрезок может звучать обращение к одному тексту («Маленький принц»). Большое место в структуре языковой личности данного поэта занимает группа мифологических прецедентных текстов, которая была рассмотрена по славянской, античной, скандинавской и средневековой европейской подгруппам. Мифологические сюжеты осмысляются Листомировым и часто играют ключевую роль для авторского текста.

Для Абатурова из группы прецедентных текстов русской литературы значимы имена персонажей авторских сказок в контексте осмысления действительности, имена Есенина и Маяковского в свете размышлений о России, имя Бродского, чье имя повторяется у Абатурова чаще всего и появляется в разных контекстах, в окружении русских и зарубежных авторов. В поле прецедентности зарубежной литературы Абатуров также обращается к именам сказочных персонажей (в этой группе – и к именам авторов-сказочников). Поэт обращается к именам как ныне живущих авторов (Паланик, Бегбедер), так и авторов классических текстов. Из современных книг важную роль для ЯЛ Абатурова играет серия «Гарри Поттер», сюжеты которой неоднократно им поэтически осмыслились. Отдельное место в языковой личности поэта занимают испаноязычные авторы (Лорка, Маркес и др.).

Выявленные прецедентные тексты оказались очень разнообразными по характеру источников и типам включения. В языковой личности Листомирова прецеденты проявляются более стабильно, часто они играют текстообразующую роль. Круг прецедентных текстов в его поэзии более широк благодаря мифологической группе. Особенность языковой личности

Абатурова состоит в частом одновременном задействовании нескольких прецедентных имен и совмещении имен русскоязычных и испаноязычных авторов в пространстве одного текста.

В структуре языковых личностей рассмотренных поэтов можно обнаружить общие элементы прецедентности: имена Толстого, Есенина, Бродского и Рыжего (у Листомирова – вне поэтического текста), Дюма и Ницше (что примечательно, Ницше у обоих авторов упоминается с пометой «не читаю» или «не читал»), имена персонажей из разных пьес Шекспира, из книг «Дон Кихот» и «Волшебник изумрудного города», а также в той или иной трансформации название «Принцесса на горошине».

Стихотворения с прецедентными единицами составляют примерно $\frac{1}{4}$ от общего количества поэтических текстов у обоих авторов. Наиболее часто встречаются прецедентные тексты зарубежной литературы, наиболее распространенный способ введения – имя персонажа или автора.

Анализ фактического материала показал, что постижение творческой языковой личностью значимых для русской и мировой культуры текстов не только вносит семантически насыщенную изобразительность в авторское произведение, но и приводит к их переосмыслению и переработке, к приобретению ими дополнительных функций и смыслов в рамках конкретного авторского замысла.

На примере Листомирова и Абатурова мы увидели, что кругозор современного интернет-поэта может охватывать спектр культурно значимых явлений от древности до современности. Языковые личности анализируемых поэтов охарактеризованы как личности творческих, образованных людей с высоким уровнем культуры, стремящихся к глубокому постижению текстов мирового художественного наследия.

В перспективе планируется расширение базы объектов исследования (привлечение творчества новых сетевых авторов), более глубокая проработка

тем современной языковой личности и прецедентности. В дальнейшем публикации сетевых поэтов возможно исследовать с точки зрения мультимедийных включений (прикрепленные фотографии, иллюстрации, аудиофайлы, сопровождающий видеоряд и т.д.), которые влияют на восприятие текста. Представляется значимым изучение восприятия сетевой поэзии интернет-читателями через комментарии в социальных сетях и на тематических сайтах, а также взаимодействия авторов и читателей в сетевом пространстве.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПЕ – прецедентные единицы

ПИ – прецедентное имя

ПТ – прецедентный текст

СЛ – сетевая литература

СП – сетевой поэт

ЯЛ – языковая личность

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абросимова Е.А. Современная гипертекстовая поэзия: аспекты взаимодействия авторского текста и интернет-медиа // Научный диалог. 2020. Вып. 8. С. 9–28.
2. Аверинцев С.С. Голем // Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский [Электронный ресурс]. 1990. URL: <http://myths.kulichki.net/enc/item/f00/s10/a001019.shtml> (дата обращения: 23.05.2022).
3. Арутюнян А. ВВП (вдохновляющий внутренний продукт): Джек Абатуров – поэтесса с мужским именем // Легкие люди [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://legkieludi.ru/interview/dzhek-abaturov-poetessa-s-muzhskim-imenem.html> (дата обращения: 19.05.2022).
4. Бартош Ю.В. (2018а) Формирование новых жанров в современной сетевой поэзии // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2018. Т. 26. С. 161–165.
5. Бартош Ю.В. (2018b) Сетевая поэзия как общение особого рода: «автор-текст-читатель-текст» // Наука – образованию, производству, экономике. Материалы 70 Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов: в 2-х томах / отв. ред. И.М. Прищепа. Витебск: Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2018. Т. 1. С. 116–118.
6. Бартош Ю.В. Специфика языка русской сетевой поэзии // Русистика. 2019. Т. 17, Вып. 2. С. 229–242.
7. Басова М.В. Сетевая литература: проблема эстетической концептуализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. Вып. 8-3 (58). С. 23–27.
8. Басова М.В., Усачева О.Ю. Синтез литературных и интернет-жанров в сетевой литературе рунета // Вестник Центра международного

- образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2015. Вып. 4. С. 94–98.
9. Башкова И.В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике: монография / И.В. Башкова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. 441 с.
10. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста: автореф. дис ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Л., 1984. 36 с.
11. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998. 1536 с.
12. Брэдбери Р. 451 градус по Фаренгейту / пер. В. Бабенко. М.: ООО «Издательство “Эксмо”», 2019. 512 с.
13. Бурмакина Н.А., Мамаева Т.В., Тимченко А.Г. Прецедентный текст в структуре языковой личности (на материале художественных произведений и интервью Ю.Ю. Шевчука) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2019. Вып. 2 (48). С. 154–161.
14. Бурцева Е.А. Жанры сетевой литературы // Современные проблемы науки и образования. [Электронный ресурс]. 2014. Вып. 5. URL: <https://science-education.ru/ru/issue/view?id=119> (дата обращения: 14.05.2022).
15. В стране легенд. Легенды минувших веков в пересказе для детей / прим. и общ. ред. В. Марковой. М.: «Детская литература», 1972. 255 с.
16. Визель М. Русский литературный Интернет с Михаилом Визелем // YouTube [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLbAJFg17DKMQ2x7afX0QnfHCVJW2C2bKe> (дата обращения: 14.05.2022).
17. Гмызина Э.В. Сетевая литература как явление современной культуры // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития. Сборник материалов III Международной научно-

- практической конференции / отв. ред. Т.В. Яковлева. Чебоксары, 2017. С. 30–32.
18. Горный Е. Онтология виртуальной личности // Сетевая словесность [Электронный ресурс]. 2007. URL: <http://www.netslova.ru/gorny/selected/ovl.html> (дата обращения: 14.05.2022).
19. Горушкина А.В. Разработка электронного словаря прецедентных онимов как способ решения проблемы лакуарности в ономастике современного носителя языка // Международный студенческий научный вестник. 2015. Вып. 5-1. С. 12–17.
20. Горушкина А.В. Лингвокультура в структуре современного поэтического дискурса сетевого автора Али Кудряшевой: функциональный аспект изучения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Вологда, 2019. 185 с.
21. Гриценко Л.М., Демидова Т.А., Бохонная М.Е. Прецедентные тексты на уроках русского языка как иностранного // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. Вып. 126. С. 343–355.
22. Грудева Е.В., Минец Д.В., Горушкина А.В. Электронный словарь прецедентных онимов современной сетевой поэзии как инструмент повышения культурной грамотности // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. Сборник Всероссийской школы-семинара / отв. ред. О.Н. Крылова. Санкт-Петербург, 2014. С. 88–97.
23. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод / Г.В. Денисова. М.: Азбуковник, 2003. 298 с.
24. Джек Абатуров // Вконтакте [Электронный ресурс]. 2021. URL: https://vk.com/jack_abaturov (дата обращения: 22.05.2022).
25. Джек Абатуров // Стихи.ру [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://stihi.ru/avtor/tiloshin&s=0> (дата обращения: 22.05.2022).

26. Джойс Д. Улисс / пер. В. Хинкиса, С. Хоружего. М.: ООО «Издательская Группа “Азбука-Аттикус”», 2014. 271 с.
27. Доминенко Н.В. Индивидуальность и своеобразие языковой личности в эпистолярных текстах (на примере писем Дж. Китса) // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, Вып. 2 (27). С. 225–230.
28. Дубских А.И. Основные подходы к изучению феномена языковой личности [Электронный ресурс]. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-podhody-k-izucheniyu-fenomena-yazykovoy-lichnosti> (дата обращения: 18.02.2021).
29. Дырдин А.А., Куранов А.О. Сетевая литература: потенциал и тенденции развития // Современные наукоемкие технологии. 2008. Вып. 4. С. 120–122.
30. Елистратова К.А., Минец Д.В. Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки в современной сетевой поэзии // Казанская наука. 2013. Вып. 1. С. 106–109.
31. Елистратова К.А. Ономастикон поэтического дискурса Веры Полозковой: автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.01. Череповец, 2015. 24 с.
32. Еремкина В.Н. Роль прецедентных текстов в отражении ценностных ориентаций в текстах современных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. Вып. 10-2 (76). С. 78–80.
33. Ермакова Л.А., Павлова А.Э. Языковая личность поэта в современной сетевой литературе (на материале поэтических текстов В. Полозковой) // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2019. Вып. 4. С. 40–49.
34. Ефимова Н.И. Аллюзии в творчестве российских рэп-исполнителей и сетевых поэтов // Языки, культуры этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты / под науч. ред. Е.В. Романовой. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2020. С. 146–153.
35. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Электронный ресурс]. 2000. URL:

- <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 05.02.2021).
- 36.Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. 2006. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 26.05.2022).
- 37.Захаренко И.В. и др. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация / под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: Изд-во Диалог-МГУ, 1997. С. 82–103.
- 38.Иванов В.В., Топоров В.Н. Марена. // Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 338.
- 39.Иванов Д.И. Специфика целевых оценочно-результативных когнитивно-прагматических установок синтетической языковой личности рок-поэта в контексте «героической» эпохи русского рока // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. Вып. 38. С. 44–58.
- 40.Иванова Е.И. Система концептов в структуре языковой личности В. Цоя // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2014. Вып. 15. С. 131–136.
- 41.Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
- 42.Иванцова Е.В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Филология. 2008. Вып. 3 (4). С. 27–43.
- 43.Иванцова Е.В. (2010а) О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Филология. 2010. Вып. 4 (12). С. 24–32.
- 44.Иванцова Е.В. (2010b) Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: Учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 160 с.
- 45.Иркагалиев Т.З. Формы презентации поэтических произведений в медиaprостранстве // Язык и культура: взгляд молодых. Материалы IV

- Международной научной студенческой конференции в рамках XXII Кирилло-Мефодиевских чтений / под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. И.А. Лешутиной. Москва, 2021. С. 209–214.
46. Исаков А.В. Сетевая юмористическая поэзия сегодня: эволюция «пирожков» и новые жанры // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха. сборник материалов IV международной молодежной научно-практической конференции / под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. С.В. Рудаковой. Магнитогорск: Магнитогорский гос. тех. ун-т им. Г.И. Носова, 2018. С. 66–71.
47. Канчер М.А. О трех аспектах описания языковой личности / М.А. Канчер // Культурноречевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 311–318.
48. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
49. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 1987. 264 с.
50. Караулов Ю.Н. Языковая личность // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия»; Издательский дом «Дрофа», 1997. С. 671–672.
51. Кац Е.А. Языковая личность в поэтическом идиолекте Георгия Иванова: автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2009. 27 с.
52. Кириллова А.Н. «Новая восточная политика» федерального канцлера Герхарда Шредера (1998–2005 гг.): дис. ... канд. филол. наук: 07.00.03. СПб.: СПбГУ, 2018. 180 с.
53. Кононенко А.А. Лысая Гора // Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии [Электронный ресурс]. 2013. URL: <https://history.wikireading.ru/406923> (дата обращения: 08.05.2021).
54. Корш М. Краткий словарь Мифологии и древностей. Боги, герои, государственные деятели, поэты, философы, художники, страны, города

- [Электронный ресурс]. 2001. URL: <https://coollib.com/b/115018-m-korsh-kratkiy-slovar-mifologii-i-drevnostey/read> (дата обращения: 15.05.2021).
55. Кочесокова М.Н. Прецедентные имена в текстах русского рока // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. Вып. 3 (41). С. 200–204.
56. Кочесокова М.Н. Прецедентные феномены: расширение семантических рамок текста в русской рок-поэзии // Культурная жизнь Юга России. 2012. Вып. 1 (44). С. 90–91.
57. Крылова М.Н. Эксперименты в области стихотворной формы: «Вижу рифмы» как явление современной культуры // Гуманитарный научный вестник. 2018. Вып. 5. С. 46–55.
58. Крылова М.Н. «Люди хотят поэзии на»: языковая личность современной любительницы поэзии // Stephanos. 2020. Вып. 1 (39). С. 24–32.
59. Крылова С.В. Основные тенденции современной русской поэзии // Образование в XXI веке: традиции и новации. Материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.В. Шмелева, Т.М. Воителева. Москва, 2018. С. 281–291.
60. Куган Е.И. Перцептивные концепты и языковая личность в художественном дискурсе (на материале произведений Б. Пастернака и М. Пруста): автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.19. Белгород, 2017. 24 с.
61. Кузнецова С.А. Сопоставление языковой личности А.К. Толстого и Ф.И. Тютчева (на основе эпистолярных текстов) // Вестник современных исследований. 2018. Вып. 11.7 (26). С. 144–145.
62. Кузьмич В.В. Прецедентные тексты как репрезентация культурного кода в текстах перепевов // Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы. Сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. Н.В. Матвеева. Стерлитамак, 2016. С. 87–92.

63. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М.: ЗАО «Фирма СТД», 2006. 560 с.
64. Листомиров. // Вконтакте [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://vk.com/listomiroff> (дата обращения: 07.03.2022).
65. Листомиров // Стихи.ру [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://stihi.ru/avtor/lebewohl> (дата обращения: 07.03.2022).
66. Лицарева К.С., Мордовская Д.В. Гипертекстовая литература: от фантастики к реальности // Общество. Наука. Инновации. Сборник статей XX Всероссийской научно-практической конференции: в 2-х томах. Киров, 2020. Т. 1. С. 404–411.
67. Лосев А.Ф. Орфей // Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский [Электронный ресурс]. 1990. URL: <http://myths.kulichki.net/enc/item/f00/s26/a002624.shtml> (дата обращения: 23.05.2022).
68. Лукин В.А. «Художественный текст: Основы теории и элементы анализа» [Электронный ресурс]. 1999. URL: <http://gramota.ru/biblio/research/hudtext0/> (дата обращения: 04.03.2021).
69. Любкер Ф. Atlantis // Реальный словарь классических древностей / пер. с нем. СПб: Филологическое общество [Электронный ресурс]. 1885. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A0%D0%A1%D0%9A%D0%94/Atlantis> (дата обращения: 24.05.2022).
70. Марченко А.С., Курмакаева Н.П. Штрихи к портрету языковой личности донецкого поэта // Актуальные проблемы речевой культуры будущего специалиста. Материалы I Республиканской студенческой научно-практической конференции, посвященной Году русского языка в Донецкой Народной Республике. Донецк, 2019. С. 155–158.
71. Минец Д.В., Елистратова К.А., Грудева Е.В. Лакунарность в ономастиконе современного носителя языка в аспекте проблемы культурной грамотности // Проблемы порождения и восприятия

- речи. Материалы XII выездной школы-семинара / отв. ред. Е.В. Грудева. Череповец, 2014. С. 119–129.
72. Минец Д.В. Дискурсивные практики конструирования идентичности в современной сетевой литературе: лингвокреативный аспект: монография / Д.В. Минец, А.В. Горушкина, К. А. Елистратова. М.: Изд-во ООО «Конверт», 2018. 144 с.
73. Минибаева С.В., Максютлова Д.Р. Прецедентные тексты в современной речи (на материале заголовочных текстов газетно-публицистического стиля) // Перспективы развития современного гуманитарного знания. Сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. Л.В. Климина. Стерлитамак, 2018. С. 172–174.
74. Миронова Д.А. Категория автора в сетевой литературе // Поволжский педагогический поиск. 2016. Вып. 4 (18). С. 90–92.
75. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский [Электронный ресурс]. 1990. URL: <http://myths.kulichki.net/> (дата обращения: 05.05.2021).
76. Михальчук Н.А. Своеобразие языковой личности И. Бродского как представителя элитарного типа речевой культуры (на материале интервью с поэтом) // Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.В. Мосейчук. Могилев, 2020. С. 121-125.
77. Михеев А.А. Языковая личность А.С. Пушкина: интертекстуальность и прецедентность в дискурсах разных типов: автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.01. Казань, 2018. 24 с.
78. Мурзин Д.Н. Антропологическая ниша в языковой науке / Д.Н. Мурзин // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург: 1995. С. 11–12.
79. Нахимова Е.А., Потоцкая Н.П. Прецедентные феномены в рекламных текстах продуктов красоты (на материале рекламных текстов на русском

- и английском языках) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. Вып. 4. С. 140–146.
80. Никулина С.В. Языковая личность вятского поэта Александра Докучаева // Семантика. Функционирование. Текст. Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л.В. Калинина. Киров, 2019. С. 108–115.
81. Новиков А. Поэт Джек Абатуров в Розанов-клубе // YouTube [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vXDeMebeBvk&t=594s> (дата обращения: 19.05.2022).
82. Овчаренко В.И. Танатос // Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. 3-е изд., испр. М.: Книжный дом, 2003. 1280 с.
83. Орлова О.В. Миромоделирующий потенциал медиаконцепта и прецедентность в интернет-дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2012. Вып. 1. С. 163–169.
84. Павлючко И.П. Эмотивная компетенция автора художественного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 1999. 205 с.
85. Папковская Н.А. Феномен популярности интернет-поэзии через исследование ее читателя // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2018. Вып. 5. С. 138–147.
86. Паршина И.Г. Языковая личность поэта в региональном пространстве словесно-художественной картины мира // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 5 (59). С. 78–81.
87. Пекарская Е.А. Типологизация языковой личности: опыт системного описания. [Электронный ресурс]. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologizatsiya-yazykovoy-lichnosti-opyt-sistemnogo-opisaniya> (дата обращения: 18.02.2021).
88. Пономарева Е.В. «Оппозиция» или «позиция»: сетевая литература в современном литературном пространстве // Уральский филологический

- вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. 2012. Вып. 1. С. 193–207.
89. Попкова А.Н. Лингвоэмоциональная картина мира: особенности вербализации (на основе языка текстов художественной литературы): автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2005. 24 с.
90. Проект Ю.Л. Сетевая литература // UNIVERSUM: Вестник Герценовского университета. 2012. Вып. 2. С. 208–209.
91. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.
92. Пузырев А.В. Языковая личность в плане субстратного подхода [Электронный ресурс]. 2002. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/1_2.htm (дата обращения: 18.02.2021).
93. Ракитина Е.Б. (2008с) К проблеме авторской самоидентификации в интернет-поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. Вып. 1. С. 149–153.
94. Ракитина Е.Б. (2008а) «Стихи, не вошедшие в рубрики»: к вопросу о жанровых границах русскоязычной интернет-поэзии // Альманах современной науки и образования. 2008. Вып. 2-2. С. 166–167.
95. Ракитина Е.Б. (2008b) Пушкин в интернет-поэзии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2008. Т. 8, Вып. 2. С. 60–67.
96. Розанов К.А. Сетература, кибература, интернет-литература: объем понятий // Материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 162–165.
97. Сент-Экзюпери А. Маленький принц / пер. Н. Галь. М.: ООО «Издательство “Эксмо”», 2011. 102 с.

98. Серебрякова З.А., Исаков А.В. Семантическая динамика образов-концептов в сетевой юмористической поэзии // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2019. Вып. 2. С. 63–68.
99. Скаковская Л.Н. Изведав «власть есенинской строки...» (есенинский интертекст в сетевой поэзии) // Современное есениноведение. 2012. Вып. 20. С. 13–20.
100. Скаковская Л.Н. Ахматовский интертекст в русской сетевой поэзии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. Вып. 4. С. 119–126.
101. Скаковская Л.Н. М.А. Булгаков и сетевая литература // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. Вып. 1. С. 246–252.
102. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т.2. 736 с.
103. Словарь славянской мифологии / авт.-сост. В.В. Адамчик. Минск: Современный литератор, 2008. 639 с.
104. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
105. Степанов Е. Современная поэзия: тенденции начала XXI века // Дети Ра. 2008. Вып. 9 (47). С. 113–122.
106. Стихи.ру. Поиск: Кай и Герда [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://stihi.ru/cgi-bin/search.pl?searchid=2309642&text=%D0%BA%D0%B0%D0%B9%20%D0%B8%20%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%B4%D0%B0&web=0#p=1> (дата обращения: 30.05.2022).
107. Стройков С.А., Борисова Е.Б. Лингвистическая характеристика англоязычного электронного гипертекстового романа Ф.Дж. Берн «24 часа с тем, кого ты знаешь...» // Известия Волгоградского

- государственного педагогического университета. 2019. Вып. 7 (140). С. 200–207.
108. Сулова Н.В. Кибература // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2013. Вып. 1 (76). С. 177–180.
109. Тахо-Годи Л.А. Феникс, Фойник // Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский [Электронный ресурс]. 1990. URL: <http://myths.kulichki.net/enc/item/f00/s36/a003609.shtml> (дата обращения: 23.05.2022).
110. Туркина Б.В. Индивидуально-авторские фразеологизмы в структуре языковой личности поэта (на материале поэзии В. Высоцкого) // Актуальные проблемы филологии. Сборник материалов Всероссийской научной конференции / отв. ред. Е.Р. Ратушная. Курган, 2018. С. 126–130.
111. Ульянова О.Б., Эртнер Д.Е., Мавлютова А.А. Поликодовые механизмы интерпретации малых поэтических форм сетевой литературы // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5, Вып. 2. С. 88–106.
112. Федотова О.В. Лексика науки и искусства в структуре языковой личности А.А. Вознесенского: автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тюмень, 2007. 26 с.
113. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А.И. Федоров. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
114. Хохлова А.А. Реалии современной русской поэзии // Семантика. Функционирование. Текст.: межвуз. сб. науч. тр. Киров, 2020. С. 65–71.
115. Цветкова М.В. Цифровой гипертекстовый роман как жанр сетевой литературы // Современная германистика и западноевропейская литература. Коллективная монография / отв. ред. А.В. Иванов. М.: «ФЛИНТА», 2020. С. 319–331.

116. Шаджанова Е.И. Концепт ДЕНЬ в структуре когнитивного уровня языковой личности Виктора Цоя // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21, Вып. 2. С. 134–136.
117. Шевченко Н.М. Языковая личность М.И. Цветаевой как объект лексикографии: автореф. дис ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2014. 40 с.
118. Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера): автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2005. 22 с.
119. Шумкина П.А. Поэтика сетевой литературы в творчестве Стефании Даниловой // Мировая литература глазами современной молодежи / под науч. ред. С.В. Рудаковой. Магнитогорск: Изд-во МГТУ, 2017. С. 71–76.
120. Юрьева Е.В. Прецедентные тексты в современных слоганах // Русская речь. 2012. Вып. 6. С. 62–67.
121. Сое С. Lady Godiva: The Naked Truth [Электронный ресурс]. 2003. URL: <https://www.harvardmagazine.com/2003/07/lady-godiva-the-naked-tr.html> (дата обращения: 25.05.2021).
122. Herrero J. Estos son los 5 libros en español mas vendidos de la historia [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://www.larazon.es/cultura/20220223/cerertr3sjaixmazd2ak7oif2a.html> (дата обращения: 01.06.2022).
123. Meseck I. Der Märchenkönig und seine Traumwelt [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://www.bayern-lese.de/persoenlichkeiten/l/ludwig-ii-von-bayern/ludwig-ii-von-bayern/> (дата обращения: 25.05.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Листомиров – невозможность / мы сегодня сидим на крыше // YouTube [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VXZBbgme19o> (дата обращения: 19.05.2022).
2. Катя Чи. Я Читал Много Книг – В. Листомиров // YouTube [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ME-Fz4hI3Kk&t=3s> (дата обращения: 19.05.2022).
3. «Здравствуйте, мне 17» – Владимир Листомиров / стихотворение о юности // YouTube [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QQryx8X530Q> (дата обращения: 22.05.2022).
4. Листомиров. Том 1. Роман с поэтом // YouTube [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KZCVPQ1f1uM> (дата обращения: 22.05.2022).
5. Листомиров. Том 2. Сад поэта // YouTube [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KZCVPQ1f1uM> (дата обращения: 22.05.2022).
6. Джек Абатуров – ВСТРЕТИМСЯ? (Zloi feat Алена Галкина) // YouTube [Электронный ресурс]. 2017. URL: https://www.youtube.com/watch?v=nOlccPZ8_ZM (дата обращения: 19.05.2022).
7. Верочка (Джек Абатуров) Текст читает Pandora // YouTube [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-Z9Dy6YY9bo> (дата обращения: 22.05.2022).

8. Аудиопоззия: Джек Абатуров – Мы // YouTube [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UyRZWWWhIjMY> (дата обращения: 22.05.2022).
9. Качмар. Не видел (стихи: Джек Абатуров) // YouTube [Электронный ресурс]. 2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_t7nbeQvgxo (дата обращения: 22.05.2022).
10. Александра Макарова и группа ОКИНАВА. Посвящение (стихи Джек Абатуров) // YouTube [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kSM9dsKqUro> (дата обращения: 22.05.2022).

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Таблица 1. Способы введения прецедентных единиц и тематические блоки источников прецедентности в стихах В. Листомирова

	Заглавие	Цитата	Имя персонажа	Имя автора	Всего
ПТ русской литературы	–	–	4	5	9
ПТ зарубежной литературы	5	2	5	10	22
Мифологические ПТ	1	–	25	–	26
Всего	6	2	34	15	57

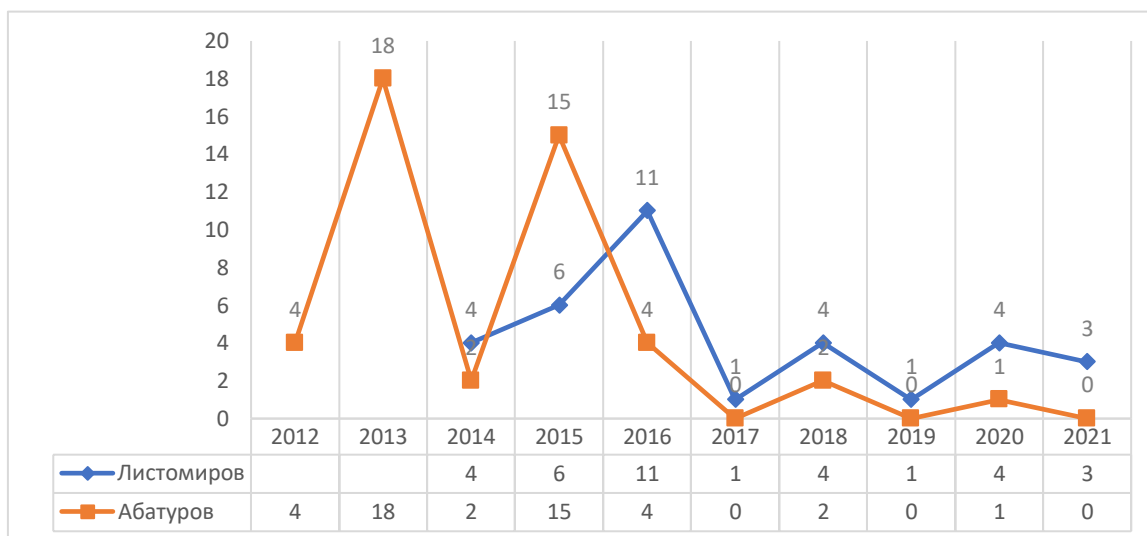
ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Таблица 2. Способы введения прецедентных единиц и тематические блоки источников прецедентности в стихах Д. Абатурова

	Заглавие	Цитата	Имя персонажа	Имя автора	Всего
ПТ русской литературы	–	4	12	12	28
ПТ зарубежной литературы	5	2	26	20	53
Всего	5	6	38	32	81

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Диаграмма 1. Сравнительная динамика написания В. Листомировым и Д. Абатуровым стихотворений с включением прецедентных единиц (по годам)

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации
45.03.01. Филология

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой РЯиРК

 И.В. Евсева

« 24 » июня 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
СЕТЕВОГО ПОЭТА (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРА ЛИСТОМИРОВА И
ДЖЕКА АБАТУРОВА)**

Выпускник

А.Ю. Шохина

Научный руководитель

д-р филол. наук,
доц. И.В. Башкова

Нормоконтролер

Н.А. Руш

Красноярск 2022